

№ 10 (912)

МАЙ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

В. ИВЧЕНКО

Фото С. ПЕТРУХИНА

УДИВИТЕЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Ложников провел рукой по радиатору новенького трактора и не смог даже улыбнуться. Покинул конвейер первый в стране «Т-4», а он хладнокровно посмывает «Беломора». Только час спустя, когда мы вышли на широкую заводскую улицу, Борис проговорил:

— Как любит писать ваш брат, свершилось.

Голок его был грустным, и я, кажется, понял парня: с новым трактором как бы ставилась точка после чего-то трудного и важного. А кто знает, что дорожке для инженера — шумный победный день или дорога к нему, исполненная ожиданий.

В экономической лаборатории завода работает Володя Белоусов. В

Контроль за рождением «Т-4» должен быть «глубоким, квалифицированным. И потому начальник цеха «КП», он же специалист по автоматике, Володя Белоусов каждый день проходил по технологической цепочке.

комитете комсомола — Феня Фалитарова. Если познакомить вас с технологом Лешей Ростовцевым да заводчане представят специалиста по автоматике Бориса Ложникова, то это и будет штаб «Комсомольского прожектора» по выпуску «Т-4».

Комсомольский контроль давно укрепился на Алтайском тракторном. Плохо с чугуном? На Орандиша нальем дугитогой цехай Шибки в чертежа! Пеняте на себя, конструкторы! Каждый сигнал выскал критическую «молнию». И в огромном механизме завода немедленно трогалось какое-то забастовавшее колесо.

Но то — «колесико»... А вот прошлой осенью заговорили о шефстве молодежи над выпуском новейшей скоростной машины. Случайным реидант тут не помешает. Контроль за рождением «Т-4» должен быть глубоким, квалифицированным.

Собственно, дело даже не в контроле как таковом. На заводе до сих пор выпускали трактор «ДТ-54». Был стар. Был связан с ним трудностями. И эта новая машина уже подымалась на испытательных полигонах плытия целины, она по-прежнему оставалась для некоторых мало к чему обязывающей перспективой.

В каждом цехе тогда назначили заместителя по производству «Т-4». Выделили и специального общезаводского диспетчера. Но все это выглядело убедительно лишь на бумаге. Люди не могли заниматься сразу двумя машинами. Вот и направил звонок во массы» четверых энтузиастов, чтобы помочь организаторам производства «Т-4», чтобы мобилизовать «нештатных» общественных сил.

Воле конвейера — стол. Над ним надлись: «Штаб КП». Ни телефонов, ни дверей. Подходи, выкладывая. Твое замечание ляжет тревожной строкой на отпечатанном тифографским способом листке заводского «Прожектора». А дальше будет у главного диспетчера оперативное совещание. И ребята покажут «дефицитки», как телеграммы с передовой, на которые нужно сейчас же ответить. Так день ото дня нес службу комсомольский дозор, метко названный кем-то коллективным директором.

— Друг, глянь-ка на эту штуку... Чужакой парень вертит перед Борсом фиолетовое от окислы кольца.

— Хоть в Москву лиши, никак не хочет закатиться... Ложников забирвает у парня детали.

— А почему?

Тот бастит:

— Дело, наверное, в характере... И вот упорное кольцо катка в отделе вломилось, а деталь чуть ли не пробует на зуб, пытаясь раскрутить ее «характер».

На нее обрушивается линия предложений, указывается живая знаменитость, удостоившаяся сразу дюжины зарисовок, дюжины советов.

— Калит, потом фрезеровать...

— Взять другую сталь...

— Отказаться от печи высокой частоты...

— Делать больше отверстие...

— Кольцо «В43-113» (его номер все знают уже наизусть) проходит сквозь строй экспериментов. А загадка не перестает быть загадкой. Борис Лож-

ников и Володя Белоусов, к сожалению, не могут обрадовать термитчиков. И тогда собираются у главного инженера. Над злополучным кольцом думают так, как никто, наверное, не думал над причинами возникновения северного сияния.

И оно уступает. «Отказаться от печи высокой частоты... «Калит», потом фрезеровать... Смешными кажутся теперь эти предложения. Исход дела решает элементарная догадка. Поинте же гениальное простое!

И снова перед ребятами маршрут: главный конвейер — инструментальный — прессовый. И снова ложится в блокнот горчине, полные нетерпения строки.

Полтуторка и современный «ЗИЛ-150», «ИЛ-14» и реактивный лайнер. Примерно так соотносятся между собой старый «дэтшак» и новый сильный трактор.

Рабочие, которые готовили к «Т-4» узлы, поразились: — К чему тут микронная точность? Мы же собираемся выпускать не ракету, а сельскохозяйственную машину!

Но микронная точность была нужна. И прочность. И красота. И темп. Из-за этого и ломали головы специалисты, за это и стояли Борис, Володя, а все штабисты.

А бывало, рассказывают в заводском комсомоле, по-другому: приходи-

Здесь технолог Алексей Ростовцев проверяет лазерированные элементы в деталях будущего красавца трактора.

Так день за днем нес службу комсомольский дозор, получивший меткое прозвище — коллективный директор.

лось ломать не «характер» детали, а натуру человека.

Шестой механический... Привезли как-то сюда три направляющих колеса «Т-4». Задание простое — прокляти их поверхность. Но есть люди, которым нравится все усложнять. Заместитель начальника производства Соловьев сказал:

— Колеса калить не буду. Нет на то специального приказа директора...

Ну, Ложников с Белоусовым написали такой «приказ». Это была реплика в окне «Комсомольского прожектора». И уже через час из шестого механического позвонили:

— Забирать свои направляющие, Куркыниски...

Однажды заместитель директора вызвал секретаря комитета комсомола завода Володю Якошука. «Сейчас задеть», — думал — Володя, пытаясь угадать повод. Но в кабинет тут же постучал смущенный начальник одного из ведущих цехов. Заместитель

директора вынул из папки кучку бумаги, усадил напротив себя посетителя, прочитал:

— За халатное отношение к критике «Комсомольского прожектора» объявляю строгий выговор...

Радио выступление КП обходилось без последствий. Об эти единичных случаях ребята рассказывали вскользь. С большой охотой они говорили о другом — как проносили во воскресенье над чертежами, как шли на субботники...

В ночном воздухе встают над Рубцовском белые столбы от фонарей. В ночной тишине щелкают на стыках рельсов груженные тракторами составы. «На поля-я-я!» — кричат охрипшие от мороза тепловозы.

Да, наверное, кто хоть раз испытал прелесть нехоженых троп, кто понял, что эти тропы ведут в удивительную бесконечность, тот никогда не пожалуется на усталость. Алтайский тракторный завод г. Рубцовск.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания сорок второй

Выходит два раза в месяц

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

10

(912)

1965
МАЙ

Романтик Ищет Жизнь Ждут

I. ПРОЩАЙ, РОСТОВ-ПАПА!

...Хорош осенний Ростов. Густая синь неба высоко поднимается над городом. Его улицы и переулочки выводят к Дону. Древний и мудрый, он тихо плывет по степи и бередит мальчишеское сердце загадками пяти морей, тайнами океанов, стремительным ходом белых кораблей.

Ростов — родной город, начало дорог, начало жизни.

...В пятнадцатидесятилетий вид видны очень много и широко. И все летит, летит в глаза: большое и малое, серьезное и глупое. Иногда так и не отличишь, где хорошо, где плохо.

Портовой город так в себе бедно собран. И странно смешается в некоторых мальчишеских головах романтика дальних дорог с побегом из родного дома, романтика храбрости — с украденным афишником ватрага.

Большой город так в себе опасен для неокрепшей души подростка. Здесь может заблудиться человек-одиночка.

Николай чувствовал: они где-то рядом и внимательно за ним следят. Он читал книги, не поднимая головы, и знал: ребята пристыли к окну, смотрят, изучают. Это хорошо: пусть приглядятся. Потом в коридоре послышался шум, пригнущенные голоса: они топтались уже в приемной. Минут через десять дверь комнаты распахнулась настежь, и Николай увидел чуждые лица, настороженные глаза. Ребята решили войти сразу же, потому что никто не хотел входить ни первым, ни последним, но сквозящую дверь протолкнулись только трое. Потом еще, еще и еще... Двенадцать человек — на первый раз неплохо. Николай расставил стулья, усадил гостей. А гости — кепочки на главах, куряты, переругиваются. Им что: они не комсомольцы, и пришли они сюда потому, что их позвали.

Николай сказал им:

— Ребята, вы мои гости, но у нас в райкоме такой порядок: сидеть без шапок, не курить, не материться и ноги возле двери вытирать. Кому этот порядок не по душе, может уходить.

Уходить так сразу, не узнав ничего, ребята не хотели: они, только попавшая на окучку, приглядывали их к дырявым подшвам ботинок. Их друзья, которые на всякий случай с улицы следили за тем, что происходит в комнате секретаря, превозмужали хмыкнули.

Славаки, сейчас навьюжили перд комсомолом вступат.

Николай усмехнулся:

— Что это ваши приятели к окнам прилипли? Срепейши!

Ребята весело рассмеялись. Это, видимо, заинтересовало тех, кто на улице, и еще три фигуры протиснулись в комнату.

У секретаря кабинет, как площадка во время демонстрации: кругом знамена, портреты, красивые вымпелы с иностранными словами. Агитация! Но сам секретарь — пареня, видно, правдивый. Рассказал им о себе: оказывается, спортсмен-разрядник, а в прошлом, как и они, беспризорник.

— Смотрю я на вас, — говорил между тем Ни-

колай, — сильные вы, здоровые парни! С вами можно горло сокрушить.

Он хлопнул сильной ладошкой по красному столу.

— Давайте создадим лагерь. Спортивно-трудовой. Будем работать в совхозе, а за заработанные деньги сами себя прокормим.

Для ребят такое предложение было новинкой: за ним скрывалась что-то малопонятное, неизвестное. К Николаю Барановскому они приходили каждый день и каждый день подгоняли, торопили. И чтобы не дать остынуть их настроянию, чем-то их занять, пока идет приоттопления к созданию лагеря, секретарь бросил новую идею: сделать на одной из улиц города велотрек. Для этого нужно разровнять и заасфальтировать мостовую. Об оплате работ с горисполкомом договоренности уже есть, — деньги придутся в дорогу!

Николай болел: придут ли? Приняли тридцать человек, работали увлеченно, с азартом. Николай сказал им:

— Это вам первое трудовое испытание. Так, на подлую железу, будете работать в лагере.

Наконец все утряслось: едем в Новоозертовской совхоз!

...Ровно в восемь утра построились по пятеркам, секретарь вынес знамя районной комсомольской организации, прочел решение бюро райкома комсомола о создании нового спортивно-трудового лагеря «Иный ростельмашевин». Представил ребятам начальников лагеря — Олега Фесенку, инженера конструкторского бюро завода «Ростельмаш», мастера спорта. И комиссара — Владимира Шанкова, рабочего с того же завода, тренера по боксу. Каждому из ребят вручил путевку и значок «Ростельмаша». Командиры пятерок распорядили секретарю:

— Ехать готовым!

Торжественно, с разразитным знаменем уезжали ребята в свой лагерь.

II. ДИАЛЕКТИКА ПЕДАГОГИКИ

(ПЕРВОЕ ПИСЬМО

комиссара лагеря Владимира Шанкова.)

«Николай, здравствуй!

Примот от комиссара лагеря первый отчет. Добрались мы благополучно. Анархисты в дороге и по прибытии вели себя довольно. В совхозе нас приняли хорошо. Живем в двух больших самодельных палатках. Ребята пока ведут себя безупречно, то есть при нас не курят и не ругаются матом. Ну, а что они делали в первую ночь, знаем только мы с Олегом да сам аллах. Черти на сквозняк до такого не додумывались: свисток, драка, блатные песни, разорванные одежды и подшучки. А мы-то, навянчики, думаем, что в день отъезда на торжественной линейке, под райкомовским знаменем они перекроулялись! Думаем, что на их подвешивала комсомольская символика и атрибутика!

Утром сюжет не притял за нами машину, чтобы ехать в поле. Для ребят прекрасный предлог, чтобы еще находничать. Но мы решили их стихийную энергию и справедливый гнев выразить интеллигентно, на бумаге. Получился первый номер «Пржектор». Союзное начальство, видимо, впервые столкнувшись с таким проявлением критики. Но понравилось всем: и на-

роду и, главное, самим анархистам. Пацан ядрот себе завулякал. Мы с Олегом стали первого же дня приучать ребят к армейскому порядку: подъем, зарядка, купание, линейка, отбой и т. д. И, конечно, соразмерные в работ вымпелы победителям, постоянно действующий «пржектор», коллективные обсуждения и т. д. и т. д. Но знала бы ты, с каких дремучих, первобытных форм сознания надо было подходить к некоторым нашим пацанам до этих янгов.

Вот четырнадцатилетний Валерий Бурусос Хронический беглец. Дома почти не живет, в гулярогу убегает то в Крым, то на Кавказ. Врет. Врет. В школе появляется редко, в табеле пометки предметам двойки, оставлен в этом классе во втором году. А самик пареня очень много читает. У него врожденное чувство юмора, и наша публика боготворит его. Я узнаю что для него главная трагедия жизни — его семья: отец пьян, ругается, избивает домашних. И это все на глазах Валерия!. Как здесь в ожесточении, не очерчивает ребячьей душой?

...Гриша Ергонин — роскошный «материал» для пересоздания. Он мудрец и лентяй. Любыми путями старается увильнуть от работ. Намшего распорядка не выполняет. Книг не читает. Много курит, ругается. Физзарядку пренебрегает. В Новоозертовской школе не имеет интереса. Знает много удальных песен и в одной нашей современной. Есть склонность к воровству, любит лаять по чужим садам и огородам.

Почему-то теперь у нас не принято упреждать слово «хулиган». Пришито говорить «трусский ребенок». Иногда мы проносим: «отвершил хулиганский поступок» — и думаем, что от поступка до характера — целая жизнь. А по моему, Володя Кукилин — настоящий хулиган. Ответил, заверенный. Он всегда сознательно и мысленно идет на зло, знает, что повлечет ответственность. С него, с Кукилина, и пошли наши главные события. В лагере он не захотел трудиться — Олег отстранил его от работ. Но Кукилин не воспринял это как меру наказания. А когда и в следующий раз не вышел в поле, мы решили прибегнуть к помощи пареня, на его протесты, оно будто бы раскаялся, но на работу опять не явился.

Наверное, я плохой педагог: не умею сдерживать своих чувств. Я вспыхиваю, могу выкрикнуть и даже стукнуть нахалом. Для меня самым неприятным является прощание. Олег — тот интеллигент, тот умеет владеть собой. Он великий и спокойный. И это ребятам диалект, подавляет, и они его слушают и уважают больше, чем меня.

Недавно я совершил крупную педагогическую ошибку. В лагере не было провинции, и я послал Кукилина за хлебом в совхоз. Он должен был прийти через полчаса. Мы, голодные и усталые, ждали его два часа. Потом он появился, подошел не спеша, усмехнулся, вытаскивая буханки хлеба, притиснутые ремнем к грязным брюкам, и грязными руками протянул хлеб. Ребята скрутили его, рудели и бросили в речку: пусть вымоется, нахал!

Результат оказался неожиданным: Володя Кукилин, голый, мокрый, униженный, ядрот расклапался. В тот момент я понял, что допустил непоправимую педагогическую просчет. Как я ядрот забыл, что мальчишки не знают от настоящей обиды! Как я мог забыть, что Володя Кукилин, Валера Бурусосы и такие, как они, пацаны не терпят унижения и что им противонаказаны слезы — и собственные и чужие. В тот момент Бурусосы со всей страстностью и непримиримостью своего подросткового детства отдал Кукилину свои симпатии...

События развивались стремительно. На следующий день из деревни прибежали двое парней:

— Ваши украли гуся!

Ребята и мы с Олегом возмущались: быть не может! И ядрот кто вынес из палатки гуся, живого, с перытыми лапами. За гусям появился Валера Бурусос. Подошел вразвалочку, с юмором рассказал, как лопая на реке рыбу, в гущу моч, лавала рядом и рбыл пуган. Вот и прилетел сюда. Больше ничего не гуся, ни ядрот. Я чувствовал, что Бурусос взял на себя чужую вину, запуганная слезы.

Ночью я долго ломал голову: что нам жалеть после этого гуся, какой еще истории!.. В ту ночь из лагеря ушли Кукилин и Бурусос. Так отпустил их Володя Кукилин. Больше гуся свое поражение в победу: он ушел не в одиночку, он

III. КАК ПРЕВРАТИТЬ 22 В 365!

завербавал еще одну душу. Утром ребята обнаруживают пропавшего часов, дорожных фонариков. Значит, и гусь тоже понадеялся на победу. — Для лагеря это было ЧП. На ребят оно подействовало очень крепко и по-разному: одни возмущались предостережением, другие даже подавали заявку Кулину, чтобы он снарядил их, чтобы не податься им в город? Тогда мы поняли, что вылезем на лагерь только человек двадцать, но уже ставших нашими, крепкими пацанами. Остальные побегут, как от огня».

— Как вы знали бы мы, какимничеством она кажется себе, когда мысленно снится вам об браке какого-нибудь «неисправимого!»

(ПИСЬМО ВТОРОЕ.)

Если я тебе скажу, что наш спортивно-трудовой лагерь «Юный ростсельмашевец» чем-то очень похож на макаренковскую колонию, ты меня не осудишь за неверную мысль?

— Конечно, я не знаю, что такое колония, я видел жизнь горьковцев как сквозь бинокль: очень близко и четко. Конечно, и время и условия другие. Но методы воспитания должны быть те же: требовательность и уважение, коллектив и труд.

— У нас не было денег, и нам нужно было с первого же часа пить и есть. И с первого же часа ребята поняли принцип нашей будущей жизни: кто потопанет, тот и попопанет.

Так с самого начала труд для нас оказался естественным и необходимым. Но ведь это первая ступень, ведущая к труду сознательному. Так мы и поднимались вверх по ступенькам. Сначала работали потому, что надо было прокормить самих себя, и у ребят появились спортивный интерес: платились за работу, а на следующий день им шла, скалтуришь, в поле на столе одна шапка. Постепенно мы учились жить и работать сообща, труд нас сдружил. Ты помнишь Володю Кукулина? Как это ни парадоксально, но мне где-то даже помню: сначала он был самым непривлекательным из группы, но он восстановил репутацию себя, и они здорово сплотились вокруг хорошо работающих парней.

— Однажды, когда Кукулин по обывковенно начал бегать в гараже, Колька, Поников вдруг открыто, но бодро, распыляя за свою смежность, возмущенно закричал:

— Эй, чужескиня, а не боишься смежности с голдухой?

Ты помнишь Кольку? Мы четырнадцать лет, и ты помнишь его? Он перешел летний халяпин, глаза огромные, черные и светлые волосы. Колька самолюбивый, поэтому, наверное, в поле он встал рядом с рослым парнем и выкалывал наравне с ним. И оттого, что именно Колька, этот карават, трудяга, первый поднял голос против дармоеда, все вдруг разом надели на Володю Кукулина. Ему «сделали кликушу» — с той минуты он получил самое обидное для наших ребят прозвище — чужескиня.

Откровенно говоря, в работу входили трудно. Каким-то образом труд для распухших, работных ребят был непривычен. А тут пошли дожди. В палатках лужа. На работу не ходишь, сохому задалажи. Ребята совсем скисли. Чодысь поднять общее настроение, мы с Олегом решили обратиться к проверенному средству — спорту. Срочно организовали соревнования бег с препятствиями, прыжки в воду, заплыв. И это все под дождичком. Подняло злило на соревнования, подним — на горячие обсуждения.

— К тому вечеру с прощальным костром ребята от нас дожда. Не только эти трудные и стремительные двадцать два лагерных дня, но и всю маленькую пятнадцатилетнюю жизнь.

В тот вечер я не узнавал своих пацанов: все как-то ясное, чистое, подобранные. И возловывали. И нам в гости пришли ребята и девчонки из деревни, первый союзниковничество, и наши боды со всеми вместе, но в то же время держались как-то рядом, сплоченно, как одна семья перед расставанием. Да, это была победа: это был наш коллектив, наш лагерь, наш костер.

— Понял, что только теперь и нужно присутствия к ровной, постоянной и напряженной коллективной. А мы его респускаем. Да это же преступление! И нам в голову выскочит из-под престола! Они должны остаться вместе! Что будем делать с ними дальше, Николай?

Владимир Шликов.

«Юный ростсельмашевец» — спортивно-трудовой лагерь. Что это? Смелый и увлеченный опыт ростовского комсомола или первый, робкий шаг, за которым последовало отступление? Мне с трудом удалось восстановить последующую историю лагеря.

— После прощального торжественного костра. Наступил час отъезда. Ребята теперь твердо знали: им в городе нужно быть вместе. Они понимали, что эти двадцать два дня обмяжут их к чему-то новому.

— Нам нельзя было рабаковать! — горчо уверял нас Поников, и болевшие его глаза смотрели требовательно и гневно. — После лагеря мы все пороги в райкоме пообивали: дайте нам дело, помогите найти помещение для спортивного клуба!

— Когда ребята опустили голову и надолго: — Как вы ведь мы не дураки, поняли, что наш лагерь прикрывали, потому что сезон закончился. Значит, для райкома он был просто мероприятием. Хорошо еще, что помогали некоторым нашим пацанам на работу устроиться. И с учета в милицию мы тоже не попали.

— В общем, — продолжал Колька, — мы остались нашим командиром. Мы, человек десять, устроились на завод, на временную работу, зашили денгаки, купили шапки и ремни, чтобы вместе в походки ходить. А то в первые дни после лагеря как потерянные по городу бродили. Собирались, бывало, в роце, возле «Сельмаша», вспоминаем, как жили, и так обидно и одиноко, лучше бы, думаю, и не было этого лагеря, только подрагани да бросили.

— Как вы сами относитесь к опыту «Юного ростсельмашевца»? — спросила я в Первомайском райкоме.

— Мы на целый месяц отделили трудовых ребят от других и от хулиганства — отделили нас. Теперь готовимся создать три таких лагеря и привлечь не только школьников, но и трудовых ребят из профтехучилищ.

Ростовский обком комсомола поверил в действенность трудово-хозяйственного Первомайского райкома решено распространить по области. Иным летом на базе пионерских лагерей будут созданы палаточные лагеря-спутники, основанные на самокооперативах. Продолжат работу лагеря ЮДСА — юных друзей Советской армии, пользующаяся у ребят огромной популярностью.

Опыт комсомольской работы по созданию спортивно-трудовых лагерей был изучен Центральным Комитетом ВЛКСМ. В июне прошлого года ЦК ВЛКСМ принял решение — о мерах по искоренению бездарности и преступности среди несовершеннолетних, в котором содержалось конкретное предложение о широком распространении спортивно-трудовых лагерей. Да, трудовые летние лагеря, безусловно, нужны. Метод воспитания подростков в едином коллективе, в лагере, предложенный когда-то Макаренком, целиком оправдал себя.

Коллектив, вначале сырой и анархический, подверженный влиянию своих заводов, постепенно превращается в коллектив друзей. Этот же коллектив является и главным мотивом переноситания каждого его члена. Сбережь, сохраняй этот коллектив, продолжай в нем воспитание каждого «трудного», создай как можно больше трудов в этом деле.

— Всякое новое дело, какие бы положительные результаты оно ни приносило, не обходится без скептиков. Я читала отчеты комитетов комсомола Москвы, Риги, Волгограда и других городов о летней работе с подростками. Меня предудрали:

— Будете писать о лагерях, учтите, что некоторые воспримут их неверно: предоставим, мол, хулиганам лучшие места для отдыха, вычислим с ними, устраиваем культурный отдых. Мы должны сделать некоторые вещи: в первых, эти лагеря самокооперативы, но коллектив не потратило на них государство. Наоборот, своим трудом ребята принесли ошутимую пользу хозяйствам и колхозам: на прополке, космье, уборке урожая, ремонте сельскохозяйственных машин.

Во-вторых, эти лагеря самоуправляемые. Им не потребовался штат массово-затейников, физ-

оргов, руководителей кружков. У ребят был комиссар — их авторитет, и штаб отряда — их власть. Жизнь, построенная на принципе самообслуживания и на серьезном, «всамделишном» труде, вызвала у ребят интерес, чувство гордости и уважения к себе и друг к другу. А беседа у костра, выходы на спортивные площадки, чтение и обсуждение книг расширили круги кружков.

— Конечно, лагерь — это не единственный путь, не надежда от хулиганства, а одно из средств привлечения подростков в трудовой коллектив. И это лишь первая ступенька в воспитании трудного парня. А для того, чтобы «перевести» его, нужно, конечно же, не один-два летних месяца.

— Как же практически сохранить коллектив трудного летнего лагеря, как работать с ним в остальное время года?

— Я подумала: почему бы Ростовскому обкому не использовать опыт лагеря, например, тульских комсомольцев? В девятнадцатом номере «Комсомола» за 1964 год рассказано о том, как при редакции молодежной газеты был создан отряд из трудных подростков. Военной отряд «Искатель» со своим уставом, своими традициями. Даже форма у ребят особая: голубые штаны с красными куликами на плечах. Ребята активно участвуют в рейдах по борьбе с нарушителями общественного порядка, со спекулянтами; есть спортивные, военные и даже археологические батальоны. Для ребят все это не игра, а привычка, привычка к тому, что важно — это постоянно действующие коллективы.

— Может быть Николай Барановский создаст такой отряд при Первомайском райкоме?

— Конечно, не обязательно именно так. Можно организовать ребят по-другому. Важно, чтобы коллектив, родившийся в летнем лагере, не распался, чтобы ребята постоянно встречались в штабе своего отряда, отчитывались друг перед другом, участвовали в каком-то общем полезном деле. Из коллективов летних трудовых лагерей можно создать трудовые отряды юных деревнян, макаренковские группы, отряды юных друзей милиции и т. д.

— Для работы в лагерях с трудными подростками понадобятся воспитатели, комиссары — люди, знающие и любящие это дело. Найти их не так уж и трудно.

— Не всякое совпадение случайно. Часте всего оно симптоматично, показательно. Недавно в редакцию «Смены» пришло письмо из города Новочерасская, той же Ростовской области. Писал 34-летний Григорий Комардин, шахтер.

— «Я работаю с 6 детьми, обучаемыми, у которых все хорошо, но я всегда по-настоящему скучаю о тех днях, когда впервые столкнулся с трудными, но умными, пытливыми ребятами, которых ох как нужно то, что создают у нас сейчас. Мои всегда такую глубже понять именно то тех детей, которые в силу сложившихся обстоятельств стали трудными. Для меня это была не просто работа, а то, что составляет в жизни все. У меня нет педагогического образования, я студент-экономист Ростовского института, но я прошу редакцию: помогите мне найти работу с детьми именно в этом плане».

Если ростовской молодежной газете «Комсомолец» объявят призы, откликнутся десятки заинтересованных людей. Ведь среди рабочих, студентов, учителей, родителей, учителей, инструкторов, воспитателей. Их надо только найти.

Итак, появились и прижались еще одна форма работы с трудными подростками: летние спортивно-трудовые лагеря. Пусть их будет еще больше и в следующем летнем. Но пусть это эффективная, действенная работа не превратится в работу только сезону.

Вечерний Ростов зажигает огни. Шумная улица завет, буроражит ребята, сердца. На лавке наков, в тенистых парках, в уличной толпе, на портовом причале я видела ребят с напряженными лицами, прчущих свою беспокойство в равнодушном прищуре глаз, скрывающих свою стремительность и ярость в замедленной походке. Это «анархисты». С некоторыми из них я уже познакомилась в «Юном ростсельмашевце».

Сейчас вечер. «Анархисты» ждут своих комиссаров.

Вечерний Ростов зажигает огни. Шумная улица завет, буроражит ребята, сердца. На лавке наков, в тенистых парках, в уличной толпе, на портовом причале я видела ребят с напряженными лицами, прчущих свою беспокойство в равнодушном прищуре глаз, скрывающих свою стремительность и ярость в замедленной походке. Это «анархисты». С некоторыми из них я уже познакомилась в «Юном ростсельмашевце».

Сейчас вечер. «Анархисты» ждут своих комиссаров.

Вечерний Ростов зажигает огни. Шумная улица завет, буроражит ребята, сердца. На лавке наков, в тенистых парках, в уличной толпе, на портовом причале я видела ребят с напряженными лицами, прчущих свою беспокойство в равнодушном прищуре глаз, скрывающих свою стремительность и ярость в замедленной походке. Это «анархисты». С некоторыми из них я уже познакомилась в «Юном ростсельмашевце».

Сейчас вечер. «Анархисты» ждут своих комиссаров.

г. Ростов-на-Дону.

И. АЛИМОВ,
В. ФЛОРЕНЦЕВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Слово эмира — закон. И повелев эмир: пойдут караван в пустыню — рабы и охрана. К золотому песку.

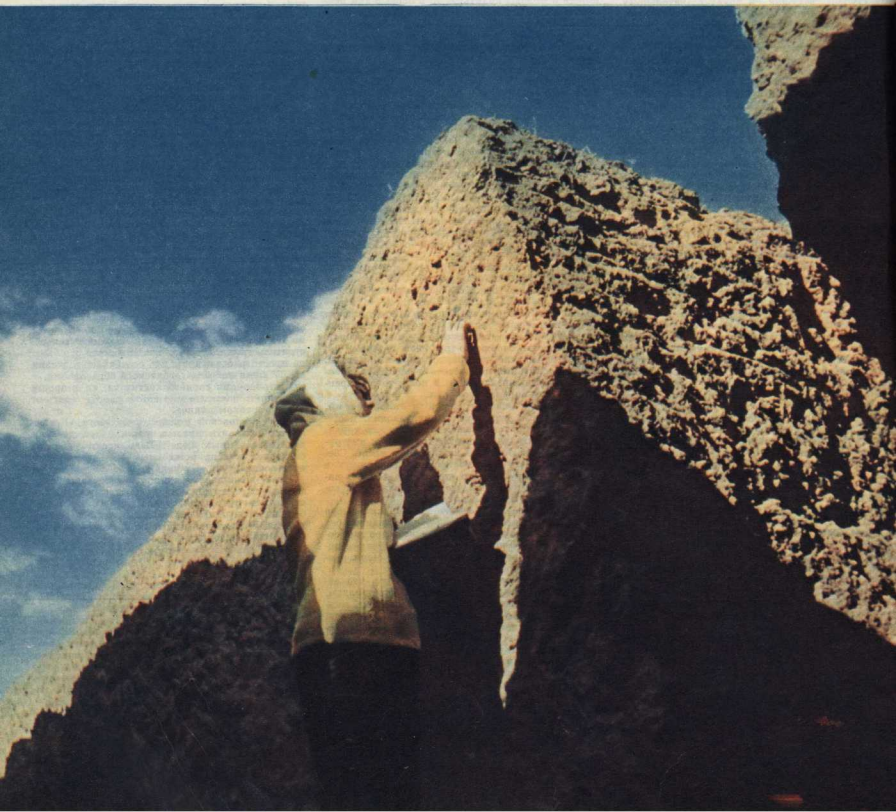
...Нещадно палило солнце, желтые шлейфы пыли поднимали верблюды, медленно плыл караван в глубь пещер. Первый день, пятый, пятнадцатый... И наконец добрались до рудника. Замелькали в воздухе кайла, вгрызаясь в породу. Опален-

ные зноем, под жестокими лучами назывались бронзовые тела. Медленно ползло время, как сытая змея после удачной охоты. От изнурительной работы, от побоев, от жажды гибли рабы. На их место приходили другие... И, пробиваясь сквозь пыльные бури, ушел караван назад, в Бухару. Медленно двигались за верблюдами люди. Это были охранники. А рабы остались лежать в выжженной нещадным пустынным солнцем земле. Все до одного. Никто и никогда ни в Бухаре, ни за ее пределами не узнает тайны золотого карьера.

«Золотой» караван встречал охранники дворце сам эмир. В честь охранников был устроен той — праздник. До самого рассвета разносились из створчатых окон громкие голоса. Под утро охранники уснули. И уже никогда не проснулись. Вино, которым их поил эмир, было отравлено...

А в безбрежных песках бушевал

ЗОЛОТО СОЛНЕЧНОГО

ветер. Пыльная буря застала тусклое степное солнце. Горбатые барканы сторонили под собой тайну золотого карьера, я выросли на них ферулы — странное растение, напоминающее карликовые пальмы. С тех пор они взошли в Кызылкумах — от Кенимеха до Айтима. Глядя на эти пальмы, в чабских юртах Кызыл-Кудука, Тамды, Ахж-Кудука вспоминают старожилы жуткую легенду о золотом карьере...

Кто знает, сколько лет прошло с той поры, как добывали бухарские занды — золото в среднеазиатских песках ценой человеческих жизней — четыреста, триста, а может, тысяча!.. Но не добрался он до золотых кладов Кызылкумов. Несколько лет назад появились в золотоносных песках люди — но не караван верблюдов с рабами и вооруженной охраной. Пришли геологи, буровики, строители.

...От станции до Мурун-Тау дорога петляет юркой ящерницей. Вокруг жарится на солнце горбатые степные холмы, коричневые, как хлебная жорка. В «глазике» качает, как на корабле. Мы спешим в Мурун-Тау — поселок в центре Кызылкумов, туда, где нашли золото. Слева от дороги, неподалеку от поселка геологов, лежит в степи одинокий камень. Огромная серая глыба. Разбиваются о него буйные ветры пустыни. Омывают иногда редкие в этих местах дожди. Обжигает безжалостное солнце. А на камне выбита надпись: «...здесь будет заложен город...» Мурун-Тау — это дальше. Когда-то был на месте поселка лишь колодец с солоноватой водой да полуразвалившаяся кибитка — здесь изредка коротали свои ночи проходившие мимо со своими стадами чабаны. Потом пришли сюда геофизики, устанавливали контуры залегания мышьяка, колдовали над картами. За

ними в Кызылкумы двинулись геологи: там, где мышьяк, ищи и золото. Жара стояла нестерпимая — около 50 градусов. Кругом ни кустика, ни деревца. Воду завозили на «глазике» за двадцать семь километров, хлеб — за сорок пять.

Ничего не нашли геологи в том году и уехали осенью в город. А весной вернулись снова. Работы начали чуть-чуть запаздие. И стали появляться на дне посуды после промывки мелкие золотые крупицы. Стали искать золото коренное. Вскрывали канавы, чтобы добраться до твердых пород.

Осень приходит в пустыню рано. Осенние геологи сворачивают палатки и уезжают в землянки. Землянок было шесть. В одной из них камералка — полевая лаборатория.

Сейчас землянки остались только в памяти первооткрывателей. Начальник строительства Григорий Михайлович Бучный разворачивает план застройки Мурун-Тау. Аппел, стадион, спортзал, больницы, молодежное кафе... Поселок растет стремительно. Днем геологи в поле или в каме-

ралке, буровики — на вышках. Но вот опускается над пустыней вечер. Где-то на «большой земле» зажигаются в это время веселые разноцветные огни. А здесь, в самом сердце Кызылкумов, ветер зловеще гудит в проводах, кружатся песчаные вихри, и кажется, что даже луна расклинивается. Желтые огни продолговатого здания оцупывают пустынную улицу. Это кафе «Золотинка» — любимое место отдыха изыскателей. Здесь можно сидеть, потанцевать, прочитать свои стихи. Здесь по золотинке раскрываются таланты, воспитывается в людях чувство прекрасного. В организации художественной самодеятельности кафе помогли москвичи Володя Скляр, член совета московского молодежного кафе «Аэлиты», и Дима Дорофеев.

Есть в Мурун-Тау и свои живописцы — геолог Анатолий Мамылин, строитель Виктор Фурсов, рабочий Саша Бобров, есть и поэты — геолог Володя Петров, старший геолог Анатолий Бендин. И, конечно, неразлучны геологи с песней, как неразлучны они с ветром, солнцем, дальними переходами.

ПОСЕЛКА

Старатели пустыни.

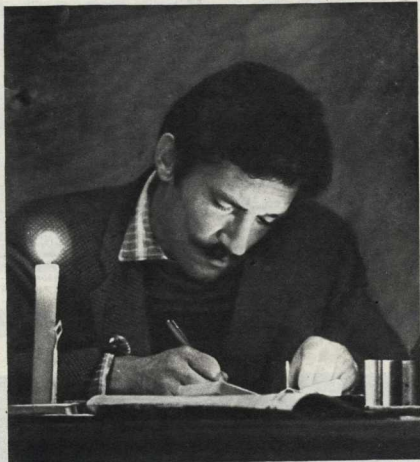

Источник.

В геологическом цехе

За сайгаком

Маршейдер Лунов.

Зной и ветер.

— В Мурун-Тау надо приезжать весной,— задумчиво говорит старший инженер по горным работам Евгений Залетов.— Тогда расстилаются по степи тюльпаны, а в горах зацветают нежные подснежники. Геолог — народ особый. Но это не просто «рыцари ковра и палатки», как представляют себе некоторые. Они, конечно же, романтики, но главное — высококвалифицированные инженеры, большие труженники. Говорят, у моряков есть особое, так называемое чувство моря. У геологов — чувство земли. Как моряк тоскует на берегу по волнам, так и геолог, появившись в поле. И как все же приехал в степь, несмотря на категоричные запреты врачей...

Да что далеко ходить за примерами! Григорий Михайлович Бучный, на-

чальник здешнего строительства, ищет золото. Но руки у него почти не золотые. Он не только строил, но и маляр, художник, спортсмен. Он всегда в поиске и, несмотря на сорок пятьдесят шесть лет, полон сил и энергии. Есть у него заветная мечта — сделать Мурун-Тау цветущим оазисом. Посадил он розу — расцвела красавица! Многие уверяли: не шести розам в песке. Приходили, даже шутили: не искусственная ли!

...Работа в Мурун-Тау начинается с восходом солнца. Спешат геологи в камералку. Идут по улицам с красными, звучными именами: Молодежная, Первооткрывателей, Рабочая. Геолог (почему-то принято здесь конторы называть цехами) уже собрался маршейдеры — специалисты по географической съемке подземных горных выработок — Юрий Лунов, Георгий Плaksin, Саша Минтросин, Вольга Вьюнов и Володя Клиновой. У каждого маршейдера свой участок работы, но когда задание ответственное, они собираются вместе. Завтра, у геолога, подготавливают теодолит, получают «свет» — шахтерскую лампочку, спички, сапоги — и в шаг! Глубина порядочная: когда клять падает вниз, даже слегка закладывает уши. Работать под землей трудно. Ранон не был изучен с гидрогеологической точки зрения. В штреках вода намного больше, чем предполагалось. Но самоотверженно работает бригада проходчиков под руководством Луных.

Наверху с проходчиками соперничает одиннадцатая бригада буровиков, где старшим мастером комсомолец Вильдан Хасанджапов. Вильдан окончил Ташкентский политехнический институт. Бригада, в которой он работает, лучшая среди двадцати пяти коллективов вышек.

...Мы уезжали из Мурун-Тау на рассвете. Остались позади флюгелевые холмы, буровые вышки, приземистая камералка, кафе «Золотинка».

Главный геолог подарил нам на память ребристый кусок кварца.

— Золото... — задумчиво проговорил он.

Но как мы ни вглядывались, золотых вкрапленок не увидели.

— Золото здесь мелко, почти невидимо, — перевалив наш взгляд, пояснил главный геолог.

И подумалось: сколько же потребуется еще человеческого труда, чтобы еле различимые крупинки превратились в золотые слитки? И еще. Есть в Мурун-Тау и золото чужаков. Это люди. Замечательные парни и девушки. Братья солнцу и ветру, как поется о них в песне.

Разведчики на привале.

«КОМСОМОЛКА»

Борис ИВАНОВ

«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ» 40 лет. Возраст солидный, но по-прежнему то там, то здесь слышится: «Комсомолка пришла!» (у юска), «Комсомолку прочитали!» (разговор друзей). Так зовут эту газету не только студенты, школьники, молодые рабочие и колхозники. Так зовут ее и люди, убеленные сединами, те, кто подружился с ней с первого номера.

Любовь к «Комсомольской правде» читатели хранят долго и верно. Она каждое утро как бы приносит в дом дыхание новой жизни, которую создают на необозримых просторах страны советские люди; приносит хорошее настроение.

И что удивительно: сколько бы в «Комсомольской правде» ни менялось сотрудников (а они приходят и уходят), с какими бы трудностями они ни сталкивались (всего бывало в ее истории), она остается одной из самых популярных газет в стране. Все дело в традициях. Счастье заложенные однажды, они не только свято хранятся в редакции, но и старательно умножаются.

Началась газета, можно сказать, с 1924 года. Именно тогда XIII съезд РКП(б) принял решение, в котором отметил, что «развертывающаяся работа комсомола далеко не достаточно обслужена литературой. Необходимо закрепить и обеспечить сеть юношеских областных газет... Должна быть создана всероссийская комсомольская газета».

Ровно через год, 24 мая, вышел первый номер «Комсомольской правды». Ее боевые статьи, острые корреспонденции, разнообразные заметки, очерки сразу пришлись по душе. Они учили, звали, подталкивали к, что очень важно, подсылавали, вставали на защиту, действовали на разум и на сердце.

В 1925 году газета выдвигает лозунг: «Комсомолец на трактор!». А позднее она же объявила поход комсомола за урожай и коллективизацию. Вот шапки полей тех уже далеких лет: «Поднимайтесь в поход за общий труд, на общую землю!», «Объединяйте крестьянские дворы в колхозы!».

Выступая против нещадности, жестокости, ратуя за новый быт, «Комсомольская правда» привлекала на свои страницы виднейших поэтов, добываясь тем самым большого эмоционального воздействия своих материалов. Одним из активных сотрудников газеты был Владимир Маяковский. Он имел постоянное редакционное удостоверение. Только в 1928 году поэт опубликовал в «Комсомолке» около 50 стихотворений. В небольших конюшнях на Черкасском (там тогда размещалась редакция) гремели голоса Асеева, Безмяникова, Жарова. «По комбрижам газеты выезжали в далекие края ставшие впоследствии известными писателями Всеволод Вишневский, Николай Гоголин.

В годы первых пятилеток индустриализации страны «Комсомолка» не ограничивала свою работу только четырьмя полосами. На новостройки заводов, шахт, железных дорог она посылала своих маленьких, но энергичных помощников — выездные редакции. Лишь в одном 1931 году было сформировано 28 таких редакций. Это давало возможность газете оперативно вмешиваться в жизнь. «На месте виднее. А если хорошо видится, точнее пишется», — говорил Семен Наринян, собираясь в выездную редакцию на Магнитную гору.

«В здоровом теле — здоровый дух». Это уже давно стало всем известным афоризмом. Но каждый ли из нынешних читателей «Комсомольской правды» знает, что именно она объявила всесоюзный поход за «здоровое тело»?

В 1930 году газета бросила клич: «Учредим значок «Готов к труду и

обороне!». И активно повела кампанию за физическое воспитание молодежи. Надо сказать, усилия «Комсомолки» увенчались большим успехом: миллионы юношей и девушек стали значимыми членами ГТО. Физкультура и спорт превратились в неотъемлемую часть всей работы комсомола. Хорошая физическая закалка помогла нашим воинам стойко перенести тагты Великой Отечественной войны.

Помню, чуть свет собирались в голубом зале редакции ее сотрудники 22 июня 1941 года, хотя это и было воскресенье утро. Официально еще никто ничего не знал. Но каким-то внутренним чутьем люди почувствовали недоброе. А уже через несколько дней в газете были созданы отделы фронта и тыла. Журналисты «Комсомолки» в военной форме отправлялись на передний край. Среди них был и Аркадий Гайдар. Газете публиковала не только сообщения своих собственных корреспондентов о подвигах воинов, о стойкости и самоотверженности отдельных подразделений. Живые свидетели, участники кровопролитных боев — вот кто занял главное место на страницах «Комсомольской правды». С 7 августа 1941 года по 1 мая 1945 года было опубликовано 104 полосы писем. Газета звала к героизму, воспитывала ненависть к врагу, «Комсомолка» поднимала на щит особенно отличившихся солдат и офицеров: красноармеец Сураж в рукопашной схватке с четырьмя немцами одержал победу; летчики Здорцев и Харитонов сбили в одном бою шесть немецких бомбардировщиков...

Много места уделяет на своих страницах газета и работе молодежи тыла, ее самоотверженному труду во имя победы над врагом. «На всем цикле — две нормы, не меньше!», «Работай и живи для борьбы, для победы!», «Труд — наше оружие!» — вот шапки тех лет.

Кончилась война. Победители вернулись под родной кров. Началось восстановление сильно порушенной войной народной хозяйства. И здесь «Комсомольская правда», помогая партии и правительству, внесла свою лепту в общее дело, выступая как организатор молодежи, как ее воспитатель.

Заслуг «Комсомольской правды» отмечены высоко: она награждена орденами Ленина, Отечественной Войны и дважды — Трудового Красного Знамени.

Сегодня «Комсомольская правда» — флагман советской молодежной печати, любимая газета миллионов юношей и девушек. На ее страницах они находят ответы на самые злободневные вопросы современности. Газета концентрирует богатейший опыт молодых строителей коммунизма, резко и остро обличает тех, кто мешая нам идти вперед, выступает организатором международного молодежного движения за мир, против угрозы новой войны.

На пятом десятке жизни «Комсомольской правды» можно сказать, что эта газета является одной из блестящих школ советской журналистики. Воспитанников «Комсомолки» можно встретить в любом солидном издании. Многие стали известными публицистами, фельетонистами, очеркистами, журналистами. В стенах газеты формировались писатели, поэты, критики. Вспомним хотя бы такие имена, как Анатолий Калинин, Александр Андреев, Яков Хелемский, Семен Трубев. Их много, они известны, и каждый из них с сыновней теплотой вспоминает о своей родной газете. Каждый из них, как и многоименный читательский список, поздравляет сегодня «Комсомолку» с праздником, со славным юбилеем.

Лет до ста расти нам с тобой без старости, родная «Комсомолка»!

МОРОШКА

Опыт со стихами не повезло.
Такой уж неуловимый.
Чернее, страшнее, чем слово «зло»,
Вот это неслыханно «случай».
Над черз горой. Мый путь далекий.
Девчонка с уязвимой морозию
Вручает пятнистый газетный буклет
С тляжело, духмяной морозию.
Я слышал, что Пушкин в последний
час,
Прокуствовав боль и ярость,
Просил чуть заметным данженьем
глаз
И шепотом этих агдов.
Помочь ему они не могли.
Ты стеллся по равнине...
Но чем-то все-таки помогли,
И смерть на шаг отступила.
Запахло в комнате городской
Еловым тригорским лесом.
И Пушкин, наверное, вспомнил
тоской
Холмы, опаленные летом...
Я долго стою с непочатым кулком.
Ты мне помогла, морошка.
И вот уже кажется пустыном
Моей неудачи мороза.

Я долго шел сирым проселком.
В туман, а лесной неверный свет.
Я узнавал по шмистым детским...
Свой крик, где не был с детскими лет...
Ты знаешь, Олег Краковский был уже
достаточно подготовлен. В школе он уме
спать «оптимально», выключившись у
инструктора мезательную резину и
продавал товарищам. Успел он и не
мало философские эссе о хороших
и плохих деньгах: «Хорошие деньги—
это те, которые приходят в дом, по
догонишь», «Хорошие деньги—это те,
которые уходят из дому». По существу, в споре на тему «до
стоинства» денег Краковский сделал
свой выбор еще тогда, когда
впервые раздела вышлянину резину на
три части и каждую часть сменял на
морозию. Билет в кино и на
шопингый завтрак своего товарища.
Встреча с Арло-Моносом лишь утвер
дила его в принятом решении.
Сдела состоялась. Сделка была
удачной. Разделили выручку и долго
говорили о жизни. С того дня Олег
Краковский стал постоянным помощ
ником Арло-Моноса.
Сотрудничать им не было догм.
В один прекрасный день старый ре
зачин вновь угодила за решетку.
Оставшись без компании, Олег Кра
ковский стал осторожно осуществлять
горючую мечту о «своем деле», о
«большом бизнесе». По его расчетам,
и тому были все условия: страна все
шире распахнула свои морские во
рота, все больше иностранных выпе
ливали в окрестных морях. Иде
и был сделан и другой выбор в
споре на тему «честь и деньги»...

Разбилась моя свадьба —
Опыт не повезло.
С утра тяжелой ливень
Ударил как назло.

Не нашлось попомы,
Лент и бубенца.
Не была отпущена
Рубашка у отца.

Косили клевер сваты,
Сестра ушла в кино.
Невеста захаврала,
Не вышла под окно.

Вина не закупили:
Сельбаго не торговал.
Жербеца буланого
Кузнец не подкавал.

Эх, уже в перелуту:
Хватает мне вина.
Тоненькая девчонка
В другого влюблена.

И неожиданно все вместе,
Литыми косами звена,
Девчонки замерли на месте:
Они заметили меня.
И вильготного жужженье
Вдруг стало слышно на гулах.
И молодое оживдье
Светилось в замерших глазах.
Свель колес девчонки роста
Стоили на сиром лугу.
Я помню вдруг не так-то просто
Сказать: «Давайте помогу!»

Два дома и сарай в лесном поселке.
Сырые гари, просеки окрест,
И в вышине темнеет, будто окрест,
Антенна телевизора на елке.

Три дочки молодых у лесника.
Они на коромысле воду носят,
Траву седую на расвете косят
И сирых уток бьют из «тройника».

По праздникам — автобус, дальний путь,
Косынки, платя из тафты и шелка,
И каблучок «еловая иглока»,
И щетки, припомненные чуть.

Я опоздал на пригородный поезд...
На узком треугольнике платформ
Стоял дежурный, хмурый, словно елка.
А чуть поодаль — девушка с пакетом...

По пригородной сиреневой дороге
Мы шли всю ночь, а ночь была белесой,
Задумчивой, как девушка, блондинкой.
Горели возле озера костры,
Асфальтом пахло, дымом и силою...
У девушки по парку мавзера
Я взял пакет, прижал его к груди.

Большие косы всем на загляденье.
Девчонки не поют, не говорят,
А чтобы не помять в пути народ,
Ни разу не присядут на сиденье.

Им парням улыбаются светло,
И городские держке девчонки
Сквозь тонкие, рисованные челки
Глядят прищур — отточенное и зло.

А за полночь, когда закроют луно,
Лесник спешит к далекой остановке,
Фонарик светит к ремню винтовки,
Взав валенок три пары и тулуп...

На спутницу смотрел я, не мигая,
Она глядела в пустоту, на звезды...
От девушки, казалось, исходило
Невидимое излучение счастья.
И я полюбил себя счастливым.
Мне стало больше, грустно и светло...
Мы на заре пришли к ее канитке.
Я прозвучал пакетом... Он развернулся.
Там было плато, сладкое плато,
Морозное и белое, как снег.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Седые елки злыми иглами
Копили молодое утро.
Перевозка князя Игоря
Девчонка на коярге утлой.

Плыла и пела песню грустную,
Всеслово, в колыбельный лед,
Но знала, что ювенгрия русскою,
Потупила, на берг сойдет...

Я жил и рос в лесном селеении
Тюч этической среды.
Там елки, хмурые, столетние,
Там гусли догские зонки.

Я шел к лобу дорогой длинной,
И явдур — как аюлия, как снег.
И буждеш ты лесой княжинею,
Хоть я не Игорь, а Олег.

Ты слышишь, плещут волны волновые,
Гремит утинная весна,
И камыши попили волгины,
И капли падают в весла!

Не упылла любовь, не канула,
Лишь набирает высоту.
Пройдем над Псковом
Беломошанским,
Пройдем по Ольгиному мосту.

Пискун осуществил свою мечту о «большом бизнесе» и «своем деле». Он умело прибор и рудам несолько единомышленников, сплотившихся по вечерам перед телевизором и добавляющих «шмотин» иностранного происхождения. Теперь ему не приходится рисковать самому, оглаживаются на дружинников и немомонельский патрону: это делают младшие компаньоны. Сам же Краковский лишь намечал «объекты», выработывая план действий и отдавал приказы.
Неяловые нефтянки, платки, авиалюта, но в основном носки. Заключались сделки. Доклады проносили. И когда Краковский узнал, что некий иностранный морзон по имени или князь Франк (именно выислилось позже, он был связан с западнотерманской разведкой) предлагает сделку на пять тысяч рублей, глаза Пискуна восторженно заблестели, и он ни на секунду не задумываясь, зачем иностранцу столько советских денег и почему он выставил требование, чтобы деньги были в крупных купюрах и желательно не новыми бумажками...

■ Сказ «за», человек должен сказать «о». Ни одного бессловесно даме мельчайшие сделки с собою, точно радиацией, количество превращается в наличество. Выбрав для себя условия и бесполопоротности, вращается в споре на тему «догнество — деньги», «честь — деньги», Кра-

ковский не мог не сделать выбора и в определен для себя более высокой и, как некоторыми считается, более абстрактной категории — «патриотизм».

Да, и этому слогу. К этому не могло не идти.
Да, и у Краковского и у Валдаевского были светлые мечты о крепкой дружбе, о высокой любви, о достойном месте в жизни, но...
Умело друг друга.
Романтизм превратился в раскание по булыварам и портам в вечной тревоге за свою шкуру...
Абстрактные проблемы ворвались в жизнь и потребовали конкретного решения. Краковский и Валдаевский недолго раздумывали над решением.

Деньги стали мерлом дружбы, и дружба превратилась в сделку.
Денги стали мерлом любви, и любовь превратилась в проституцию.
Денги стали мерлом мента, и мечта оборотилась в преступление, а сами денги — тридцатью сребренниками Иуди...

Да, Одесса — в своем роде патристичный город. Но только род «американцев» перестают быть «абстракциями»! Момент бытия, в других местах они остаются высшим и пустым словом!
Как-то не принято очернеть оперирующую литературными примерами, но мне кажется уместным вспомнить сегодня спор, разгоревшийся в свое

время вокруг «Полгея» Василия Аксенова. Это не будет большим отступлением от заданной темы, потому что писатель точно подметил конфликт.

К странному заключению пришел писатель, а вместе с ним и литературная критика: «Высшие слова сохраняют свое высокое звучание, тогда их проносятся такие чистые, цельные слова, как Саща Зеленин». Попробуйте, дорогие товарищи! Выходит что емели эти слова о Родине и патристичности, о высшем законе, о высшем человеке, тот же, слышим, Мансимо, так они наполовину сокращают свое высокое звучание? А если их проносятся негодья и подлость, — значит, они вообще этого звучания не сохраняют?

Дело, думаю, не в том. Думается, суть в том, что в столкновении с жизнью Саща Зеленин гораздо более ясно, чем Мансимо, осознал ту границу, которая разделяет благородство и подлость, честь и бесчестье. Именно поэтому высшие слова для него уже не пустой звук, им для него уже, а совокупности определенных значений и смысла. Он понимал, и мы должны понимать, он узнал, нашел и принял эти границы — в себе, личинично говоря, в своем сердце.

Да, именно через человека, через его сердце, через его душу, через его сознание, и не случайно именно и самому человеку, не вообще и человечеству, а лично и человеку на «ты» обращена старая русская поговорка: «Верга себя смолодуй...»

Одесса — Москва.

О ШОХОВСКОМ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОМ

рудно измерить популярность Михаила Александровича Шолохова среди читающего населения земного шара. Везде, где были изданы его книги, они вызвали и вызывают восхищение габитной пониманием сложного течения жизни, художественные раскритерии закономерностей революционного развития общества. Незнакомые люди с берегов Тихого Дона — не только у большой реки на географической карте мира — привносили внимание миллионов читателей своеобразные черты, и чем дальше мы отходим во времени от событий, изображенных в «Тихом Доне» и «Поднятой целины», тем больше утверждаемся в истинности героизма этих произведений, поражающей точностью в определении места каждого шолоховского героя в становлении Советской власти на земле, обильно полнотой кроваго тех, кто вдохновил писателя на великий творческий труд.

Григорий Мелехов, Акулина, Наталья, Кошелев, семья Мелеховых, семья Юришиных, Штопан и многие другие в «Тихом Доне»; Семён Давыдов, Манар Магумов, Андрей Разметнов, дед Шумарь, Пушка, Данилинкин, Варжа-горюха, Устин и многие, многие другие из «Поднятой целины»; Андрей Соколов из «Судьбы человека», герои ещё не завершённого романа «Он сражался за родину», герои юношеской, плавающей полынным настроем книги «Лазоревая степь» — эти уже не были реально существующие в жизни люди, принесшие не только в литературу, но и в самую жизнь взгляды художника, пристально всматривающегося в действительность, видящего в ней подчас то, что многие и не сразу замечают.

С именем Михаила Шолохова связано становление нашей страны, её возмужание. Несомненным пути художника. Может быть, когда-нибудь кто-то будет готово для свершения творческого подвига. Двадцатилетний юноша начинает писать первую книгу «Тихого Дона». Книгу, которую не просто замечают такие писатели, как Максим Горький и Александр Серафимович, и не просто её поддерживают, но книгу, которую важно захватить читателю, открыла им не изведанный доселе мир. Другая сторона, жизнь хуторов, расхождение казачьей традиции, крушение патриархальной страны, трагические события, рождённые острой классовый борьбой на Дону... — это то, что в предельно тесном пространстве печати первый роман «Тихого Дона» можно сжато сказать, что с момента его появления в советской и мировой литературе

открылось то, что сейчас уже принято называть ШОХОВСКИМ. Там было, когда раньше говорили о Лысе Толстом тоlstовский проза; о Максиме Горьком — горьковское начало в литературе; теперь родилось новое — шолоховское. Шолоховское это предельно чуждое, суровое, живое, жизни своего народа в её непотопляемых проявлениях; причём именно народ, а не редкие одиночки, полагающих иной раз, что все и устроено в жизни так, чтобы эти одиночки жили на хребте народной жизни, свысока судя о тех, кто дошёл, остался и защитил эту жизнь своими бесспорными подвигами.

Шолоховское — это страстная любовь к человеку, понимание его души, муки и радости; это знание народной жизни, всех её источников, живых родников, делающих редких людей героями в обстоятельствах, когда иной одиночка, вроде Менина из фадеевского «Разгрома», свалился с обрыва и, спасая свою шкуру, предает все и дело, которому служил, и людей, с которыми делил и кров и крошечку хлеба.

Шолоховское — это удивительное знание и понимание природы родного края; любовное картирование родной земли, подлинно поэтический взгляд на все, что окружает человека; на каждую травинку, на широкие степи в балках и яругах.

Шолоховское — это история в его наивысшем подъеме, выразивший в жизни людей, создающих историю нашего времени. Нет лучшего учебника жизни, чем шолоховские произведения. Каждое из них помогает читателю определить и свое место в жизни и отточить свое мировоззрение. У шолоховских героев читатель участв не какой-либо одной чертой — они участв же людьми, и не просто людьми, а людьми, в сложных и трудных условиях борьбы создающих новое общество.

Нет, конечно, полного определения, что такое шолоховское. И напрасно искать его определение. Я повню первую встречу с Михаилом Александровичем. Мы, молодые литвуковцы «Ростсельмаша», были приглашены на встречу писателя с рабочими Ленинских мастерских — так назывались старейшие в Ростове-на-Дону железнодорожные мастерские, в которых формировались многие поколения революционных пролетариев. Большой зал Ленинграда был заполнен до отбоя.

Нас посадили за стеной, неподалеку от трибуны, за которой выступал Шолохов. Первая встреча запомнилась надолго: он стоял молодой, в простом защитного цвета, в легких сапогах. Говорил свободно, не желавший чем бы то ни было выделиться среди других. Когда я поднял вопрос, как написать, он продолжал беседовать, и из этой беседы... А он продолжал беседовать, и из этой беседы... А он продолжал беседовать, и из этой беседы... А он продолжал беседовать, и из этой беседы...

детство, и тирвоная юность, и думы о длинх книгах. Шолохов заканчивал в это время первую книгу «Поднятой целины».

Продать неготовую повесть, и мы летом 1932 года были в Ленинграде на парне культуры «Ростсельмаша» после работы вслух читали главу за главой «Поднятой целины». Мы сидели в зале, в окружении писателей и мастеров, будут сидеть вокруг нас, добровольных читников, слушающих рассказы о развитии культуры в нашем Дону, в Гремячьем Логе, после приезда туда путиловского рабочего, бывшего моряка Семёна Давыдова.

Более трех десятилетий пройдет с тех пор. Будет затронута вся история жизни, начиная с этого времени — «Тихого Дона». Мы протиснемся навстречу с Семёном Давыдовым и Манаром Магумовым — двумя героями, беззаветно отдавшими свою жизнь в борьбе с врагами Советской власти. Протиснемся с ними и сорванки их в сердце России — в Ленинград. Мы встретимся с писателями, появятся новые произведения у Михаила Шолохова, и так же горечь будут в Ленинграде писатели шенскую, мотарал, по существу, давно уже стала мировым литературным центром, приходят и старые и молодые путиловцы — рабочие и инженерно-техническая интеллигенция Ленинградского завода имени Кирова.

Нарядное июльское утро. Маленький полёвом аэродром, что расположился напротив станции Чкаловской. Гряды машиной, Казани и лозачки в праздничных одеждах. Множество фотореспондентов и кинооператоров. Мы идем к самолету, поднимаемся в небо тихий «ИИ-14» и привезет путиловцев. С шоссейной дороги свернула «Волга».

Шолохов идет... Прочесал по ридам.

— Шолохов...
— Вот только и останешься. Шолохов, улыбаясь, вышел из машины. Он в легкой форме рубашке наизусть. Шуршит от яркого солнца.

Жестит вам, жеманит, не так, — отказывается он от фотоаппаратов и киноаппарата.

— Михаил Александрович, скажите что-нибудь, — обращается к Шолохову корреспондент радио.

— Подождите гостей, — отвечает Шолохов. И вот уже самолет заканчивает короткую пробежку. Появляются путиловцы. Молодые и старые. Шолохов жуется с участием трех революций Михаилом Гавриловичем Алексеевым. Казани подносит путиловцам хлеб-соль.

Четыре дня была делегация путиловцев в гостях у Михаила Александровича. Мядно они осматривали и саму станцию, и все окрестности, попутно была в станции Венешеной летом 1964 года. Когда путиловцы вышли из самолета, мне невольно пошел Давыдов, но хлеб-солью встречали его домоседы из Казани, а было, что и осыпали удаями, издававшими нудальной агитации. Сильно же надо было пройтись нашей стране, чтобы потомки Григория Мелехова встречали путиловцев так, как это было летом 1964 года на маленьком полёвом аэродроме!

Вся наша страна, весь мир празднует в эти дни десятилетие Михаил Александровича Шолохова. Маститый писатель и назначивший жизнь подросток знает и любит творчество великого писателя нашего времени. Михаил Шолохов для нас Шолохов не рубшей и границ; герои Шолохова известны и любимы в Ассору. Мила Кашинская — величайший городок Индии и в шумных городах Аргентины, в ирасисном норвежском городе Бергене и в тихом доде восьмидесятилетней австралийской писательнице Катарины Сусанн Причард. Чудесная немецкая писательница Анна Зегерс, будучи в Москве, говорила нам: «Тихий Дон — произведение, равного которому в XX веке не было». Японские издатели в Японии называли нам новое издание Шолохова. Мудрый исландский писатель Халдор Янссон говорил мне о Шолоховском человеке. И это больше счастья для нас, чем то, что глава советской литературы стоит наш флагман — Михаил Александрович Шолохов.

История

Мы ходим всегда вчетвером. Нас называют «четыре мушкетера». Это Василий Тучков, Владимир Доронин, Алеша Курский и я. «Мушкетеры» нас называют не только потому, что мы неравнучки,—мы первые стрелки батальона. Для нас в тире не жалуют патронов, готовят к соревнованиям на призы горкома комсомола.

Когда не бывает вечерних занятий или собраний, мы идем в кино, на футбол или занимаемся в библиотеке. Всегда в одной и той же—в библиотеке Дома-музея Маяковского, в переулке Маяковского, бывшем Гитлерком.

Однажды мы приходим сюда — почти все места заняты.

— Ничего не поделимся, расседотчимся,—предлагает Курский. Мы «расседотчимся». Я замечаю пустующее кресло в углу зала за маленьким двухместным столиком. За столиком сидит пышноволосая девушка.

Спрашиваю:

— Свободно?

— Она поднимает голову, смотрит на меня, держа в зубах карандаш, потом вынимает его изо рта и проанонсирует подчеркнuto безразлично:

— Свободно.

Я сажусь, раскладывая свои книги, начинаю читать и вдруг ловлю себя на том, что не читается.

Хочу смотреть на свою соседку. Несколько раз отрываюсь от книги и вижу пышные капитановые волосы, длинные ресницы, чуть шевелящиеся пухлые губы.

Убеждаю себя: надо читать! Но опять эти ресницы, эти пухлые губы...

Видимо, девушка чувствует на себе мой взгляд, поднимает глаза.

У меня такое чувство, словно я в чем-то провинился и пойман с поличным. Мне жарко. Наверное, я сильно покраснел, потому что соседка, вернувшись к чтению, едва заметно улыбается. Улыбка, как мне кажется, проницательная.

Нет, я не могу больше заниматься делом. Но куда себя деть? Смотрю в зал. Вижу Курского. Курский мне подмигивает. Конечно, он все видит. Выхожу в коридор, рассматриваю плакаты Маяковского во Вразделе и Денинске. Потом возвращаюсь в зал.

Не помню, как начинаю разговор с моей соседкой. Кажется, спрашиваю: «Что вы читаете?»

Она отвечает:

— Медицинскую книгу.

— В этой библиотеке таких книг нет.

— Ну, что ж... Принесла с собой.

— Вы студентка?

— Нет, еще в школе.

— А почему медицина?

— Интересуюсь.

И снова целый час молчания, снова я сижу и смотрю в зал. Мои товарищи собираются, выходят. Тучков делает мне знак рукой, чтобы я не поднимался, а Курский опять подмигивает, улыбается. Пошлая и дурацкая улыбка. Совсем неуместная.

«Мушкетеры» ушли. Девушка закрыла книгу. Я решаю: пора выходить. В гардеробе подвою ей пальто и каким-то не своим, утробным голосом спрашиваю:

— Можно вас проводить?

— Наверное, надо эти слова не прозвучали. Девушка улыбается — опять эта ирония!— и говорит:

— Если вам так хочется...

И вот мы идем по Воронцовской.

Сначала молчим, потом я спрашиваю:

— А почему же все-таки медицина?

«Цвета и снег» — так называется военная повесть, работу над которой недавно закончил писатель Борис Егоров. Повесть посвящена комсомольцам, которые пятнадцатилетними ребятами пошли перед Великой Отечественной войной в только что созданные спецполки. Партия бросила тогда клич: «Молодежь — в артиллерию!» Это повесть о патриотизме и романтиках и романтиках, повесть о дружбе и любви, о том, как зрело и мукает молодых людей. Герои повести — вначале спецкоманды, потом они фронтовики-артиллеристы.

Рассказ ведет от своего лица Александр Крылов. Ниже мы публикуем несколько отрывков из повести.

Вопрос мой, конечно, глупый. Но кто в таких случаях говорит умно?

— Хочу быть врачом,— отвечает моя спутница.

— Хирургом?

— Может быть. К нам в школу недавно приезжали врачи санитарной авиации. Рассказывала, как они летают, как помогают людям. Очень интересной! Представляете, летитшь и тебя где-то в далеком городке или поселке очень ждуть...

— Романтика,— говорю я.

— Девушка не понимает, каким тоном произношу я это слово — серьезно или насмешливо. А у меня, по моему, никакого тона вообще нет и язык деревянный!

— А вы не романтик?— спрашивает она.

— Романтик.

Снова идем и молчим. Глотов переулков, Лавров, Крестьянская застава... Тихо падает снег, матовым светом горят фонари.

— Ну, вот я почти дома.

— Скажите, а как вас зовут?

— Инга.

— Меня Александр.

Я уже успокоился, мне стало легче, еще несколько минут, и мой деревянный исчезнет. Я говорю:

— Вот и познакомились.

Но в это время замечаю, что навстречу нам идет парень и распахнутое пальто. Идет и смотрит на Ингу, смотрит в упор. Между нами и им — несколько шагов, мы отходим на край тротуара. Он в нашу сторону. Поравнявшись с нами, парень задевает плечом Ингу. Пышный? Нет, тресвый. По лицу видно.

— Нельзя ли удостовериться?— говорю я.

— Парень останавливается, поворачивается ко мне.

— Ты мне будешь делать замечания?— произносит он безразлично.— Кадет несчастный!

И ничего не думаю, ничего не решаю. Просто сама моя рука разворачивается и бьет ладью по щекам. Удар, наверное, очень сильный, потому что парень падает.

Поднимаюсь с тротуара, он угрожающе цедит сквозь зубы:

— Из тебя котлету...

Смотрю на него, приземляюсь. Он более рослый и, может быть, сильнее меня. Но отступать нельзя.

— А не хочешь попробовать?— спрашиваю его, снимая с шеи ремень. Ремень с тяжелой медной блахой на конце — испытанное оружие.

Вокруг нас собирается толпа.

Откуда толпа? Улица была почти пустынной. Но так всегда случается. Толпе собраться нетрудно, в любовничьи людях раскопаны нет.

Единкой в мнении толпа не бывает. Она немедленно раскопывается на два лагеря. Одни поддерживают одну сторону, другие — другую. И у всех абсолютно разные аргументы. Очевидцы, свидетели!

Но на этот раз спор разгорается не успевает. Через толпу торопливо протискиваются двое военных с палками на руках — командантский патруль.

— Товарищ курсант, ваше удостоверение!

Предъявляю.

— Так-так... Крылов Александр, шестая артиллерийская. Хорошо. Кто у вас политура? Тельяков, кажется? Должите ему, что вы допустили драку на улице...

Иудольетверная толпа расходится. Парня в распахнутом пальто уже нет, он исчез. Мы с Ингой идем дальше.

Ну зачем же это произошло? Был такой хороший вечер! И вот теперь я должен докладывать Тельякову...

А может быть, не Тельякову доложить? Лучше командиру батальона. Тот наверняка похитит, в крайнем случае выговор объявит, а Тельяков... Тельякова мы все любим. Из военных он для нас самый большой авторитет. Во время боев с японскими захватчиками у озера Хасан Тельяков заменил убитого командира роты и поднял бойцов в атаку. У него орден Воевого Красного Знамени. Такой высокой награды ни у кого из наших командиров нет.

Спросил себя, но оправданий. Едва нажал «несправедливый» командир, переживается легче. Всегда пытаешься сам для себя найти хоть какое-то оправдание... А тут оправдаться трудно: Тельяков «отвест» ровно по заслугам.

— ...Ну вы, надо сказать, нетух,— говорит Инга.

— А как я, по-вашему, должен был поступить?

Инга смеется. Она очень красиво смеется. Глаза у нее узкие, восточные. А когда она смеется, от них остаются одни щелчки.

— Знаете, Инга, у нас в спецполке по воскресеньям танцы. Можно вас пригласить? У нас есть телефон?

Инга говорит «можно», потом прощается со мной у подъезда, и я слышу, как стучат по лестнице ее каблучки.

В воскресенье вечером урок танцев.

Учитель громким эстрадным голосом дает распоряжение:

— Пригласите дам на танец! И-и-и-и-и!

Мы с Ингой танцуем. Доронина и Курского в зале нет. Они на танцы не ходят, оправдываются: мы в спецшколе не танцевать пришли, а учиться.

Оркестр умолкает. Все расходится к стенкам.

И вдруг возникает совершенно неожиданный эпизод. Со стены падает огнетушитель: кто-то его случайно поддел плечом. Извергая густую пену, огнетушитель бешено крутится на паркете. Струи пены поливают стены, платья и мундиры. Слышится девичий визг.

Тучкову подбегает к огнетушителю и направляет струю в угол.

Танцы прерываются. Мы с Ингой выходим на улицу.

— К набережной?

— Да.

Мы любим ходить по набережной, стоять у гранитных парапетов, смотреть, как играют на воде огни домов. Мимо нас проплывают последние вечерние катера. С катеров доносится музыка. Чтобы не скучать, капитаны крутят пластинки.

— Ты любишь стихи?— спрашивает Инга.

— Люблю.

— А кого больше всех?

— Блюка.

— Прочти что-нибудь.

Я читаю:

Мы с Тучковым выходим из школы. Морозный, безветренный мартовский вечер. После тревожного, трудного дня дышать хочется глубоко-глубоко. Верный своей привычке, Тучков пинает ногами ледяшки.

Громкохают трамваи. На улах кричат мороженщики:

— Кому эскимо на палочке в шоколад! Кому эскимо...

Светятся рекламные магазинов: «Одна банка консервированной кукурузы заменит пять куриных яиц!», «А и ем помидло и джем!», «Снова на экранах фильм «Чапалав!».

— Сколько раз смотрел «Чапалава»?— спрашивает меня Василий.

— Шесть.

— Я семь. Но и сейчас бы пошел... Только завтра контрольная. Ты домой?

— Нет, в библиотеку.

— Ага, опять свидание? Ну-ну, не делай вида, что не так. Слушай, Сашка, зайдем ко мне.

— Тороплюсь.

— Даю, одна подождет. Я тебе конспекты забыл принести. Вот и возьмишь.

Дом у Тучкова мы застаем только его старшую сестру, худенькую девушку с очень тонкими чертами лица и большими голубыми глазами. Она сидит у патефона и слушает «Челдига». На коленях — книга.

— Как всегда. Олява свою медицину учит под музыку,— говорит Василий.— Знакомьтесь. Это мой друг Сашка, а это, как я уже сказал, Оля.

— Медиком будете?— спрашиваю я.

— Да. Педиатром, детским врачом,— отвечает она чуть отрывисто, чуть самоуверенно.— А вы, как и Олява, военным?

— Военным.

— Интересно.

Под насмыкло во рву некоем Ленину и смотрит, как живая. В цветном платке на косы брошеном. Красная и молодая...

— Я тоже люблю Олява,— тихо проносит Инга.— А у меня дома стихи не лежат. Брат смеется, говорит, что я витаю в вышних материях, а он реалист.

— А что делает реалист? Учится?

— Он у нас гений, вулдеркинд. Экстерном сдал экзамены за девятый класс и из восьмого сразу перешел в десятый.

— Это очень плохо.

Инга резко поворачивается ко мне, мои осуждающие слова для нее неожиданны.

— Почему плохо?

— Потому что так делают, чтобы не попасть в армию, успеть поспушить в институт...

Я угадал. Инга спорить не о чем. Ей, наверно, неприятно, что она вспоминаю о брате.

— А как ты доложил политику о драке на улице?— спрашивает она, стараясь отойти от разговора об Игоре.

— Как было, так и доложил. Только собрался долго. А Тельников, оказывается, все было известно уже на следующий день. Прижму к нему, он востроит меня синхронизоло-насмешливой улыбкой, говорит: «Учались Крылов, кажется, набрался смеелости. Я вас слушаю».

— А что он сказал дальше?

— Отчитал. Не за драку, а за то, что я не доложил вовремя.

Мне перед Ингой стыдно, что так произошло. Она может подумать: «А что ты все-таки трус».

Инга смотрит на часы.

— Уже поздно, пора домой.

Так она говорит каждый раз, перед тем как нам расстаться. Я ненавижу эту фразу. Нет, совсем не поздно! Я еще ничего не успел сказать.

Мне с тобой так хорошо!— говорю я и беру Ингу за руку.

Она отстраняет руку, смотрит на меня дико, испуганно.

Город засыпает. Прохожих на улицах почти нет. Издалека доносится шум трамвая.

Мы возвращаемся.

Инга молчит. О чем она думает?

Неожиданно вдруг она проносит:

— А Тучков — герой. Сам обился этой известкой, зато других спас.

В том числе меня...

Я завидую Тучкову. Почему я был так далеко от этого проклятого огнетушителя? Находился бы близко, как Тучков, обязательно нырнул бы на бующий красный цилиндр.

— Почему?

— Так, не понимаю. Ну, вам, мальчишкам, это нравится... Романтика! А я стану обыкновенным, ordinary участковым врачом.

В голосе ее звучит жестокость.

На столе в вазе стоят букетики живых цветов.

— О! У вас цветы!— замечаю я.

— Это мама иногда приносит с приемов,— говорит Оляга.— Вы же знаете: мама у нас переводчица.

Василий радостно хлопает себя рукой по животу, кричит:

— Фэриика! Сашка, возьми для Инги цветы. Будешь настоящим кавалером. Оля, отбери ему самые хорошие. Он должен преподнести их своей даме!

Оляга наклоняется над вазой и протгивает мне два цветка гвоздики — белый и красный.

Я прошошу и, едва закрыв дверь, бегу по лестнице, бегу так быстро, что спотыкаюсь с кем-то, завалиюсь. Мне вдогонку слышатся слова:

— Сумасшедший! Писк!

Ингу я застаю в гардеробе библиотеки. Она уже надевает пальто.

— Вот тебе цветы!— говорю я с ходу, запыхавшись.

Наверно, я делаю это так неуклюже, что несколько человек оборачиваются и насмешливо-синхронизоло смотрят на меня.

Глаза у Инги блестящие, губы чуть шевелятся. Я заметил, что, когда она возмолвила, у нее всегда шевелятся губы. Словно она что-то говорит. Только беззвучно.

— Куда пойдем? На набережную?

— Не знаю,— говорит Инга довольно, смеется. Смеется так, как умеет лишь она одна. Глаза сужаются, от них остаются узенькие щелочки, и я вижу только длинные-длинные ресницы.

Сзади нас раздается автомобильный гудок. Оборачиваемся: такси.

— Инга, поедем на такси в центр!

— Ты что, обвадел? Я никогда на такси не ездила.

— И я тоже. У меня есть три рубля!

Я поджимаю руку.

В машине темно. Только близко-близко, рядом-рядом светятся глаза Инги.

— Инга, можно я тебе пошелую?

Инга смеется, говорит «нет». Конечно, это не «нет», а «да», но я робею, у меня нет силы перебить эту невидимую, незримую черту, за которой начинается новое, другое. Я очень люблю Ингу. И потому волнуясь, тревожусь. Притронуться губами к ее щеке... А вдруг это не «да», а вдруг это ее обидит?

Мы выходим из такси на площади Ногина и по улице Разина идем к Кремлю.

Инга вертит в руках гвоздики, щекочет себя ими по щекам. Отбегает от меня, взлетает на небольшой сугроб и сажает в песок свои цветы. Отходит чуть в сторону, кричит:

— Сашка, ты посмотри, как красиво! Цветы и снег!

Прохожие останавливаются. И говорят:

Игит, идем.

Она возвращается, толкает логам, сбивая с ботиков снег.

— Правда, красиво? Нет, ты скажи.

— Конечно!

— Я ненормальная, да? Подержи цветы и книгу, я еще стражну снег.

Идет ее книга. Пока она обмахивается перчаткой, читаю заглавие: «Анголони».

— Ты не оставил медицину?

— Нет. Означен, не сказала тебе: я начала переписку с теми врачами, которые у нас выступали в школе.

— Какие летают?

— Да. Специальный авиатор. Вот! Очень много интересного. Хочешь, расскажу? Впрочем, не надо. В другое раз дам почитать. Хотела взять сегодня, а их куда-то Игорь запрятал...

— Почему?

— Он против. Вчера села писать врачам письмо, а он говорит: «Опыт не делом занимаешься, лучше английский зубри», — и спиртал. Вообще-то С ним стало плохо трудно. Говорит, что я дура и что это у меня со временем пройдет.

— Занятия отменяются, — объявляет нам майор Кременецкий. — С сегодняшним дня будем сидеть в Голицино — рать противотанковый ров. Вопросы есть?

Вопросов нет.

— Тогда — на вокзал!

Мы едем на запад. Запад раньше представлялся далеким. Теперь он рядом, много не пройдешь. Западный фронт почти под Москвой.

И потому по пригородным дорогам, мимо старых деревянных двар с ревыми карнизами, мчатся зеленые военные машины. На перекрестках стоят солдаты-регулирующие. А в сторону Москвы бредут понурые фигуры беженцев.

Когда-то этой дорогой мы ехали в лагерь. Теперь смотрим на знакомые места и не узнаем их. У самого железнодорожного полотна — черные воронки от бомб. Здания фабрик и мастеровских закумуфлированы, раскрашены, на них нарисованы деревья. Зеленые деревья. А уже ослен...

В Голицино нас встречает военный инженер.

— Теперь вы в моем распоряжении. Разберите лопаты!

Лопат не хватает, но мы организуем перемешку.

Инженер отводит нас пятнадцать метров рва. Мы кричим: «Мало!». Просим увеличить задание.

Растетwurf кителя, приступаем к работе. Изю рва наверх летят комья желтой глиной глинны.

— Наимья! брата! — кричит Курский. — Это вам не задачки решать — тут работать надо!

Незаметно в работе проходит час, другой. И вдруг команда:

— Воддух!

Не выходя твывает зенитка.

Над нами на бродящем полете пролетает немецкий самолет. Он жетый, на крыльях — черные кресты.

Метрах в ста рвется бомба, слышится крик.

Самолета уже не видно, надо рвом проплавает редееющее облако рыва.

Кто кричал? По цепочке передают:

— Ранкло одного... Из третьей батареи. Легко.

Мимо нас пробегает санитар с сумкой.

— Что отложия лопаты? Отставить разговоры! За работу! — командует Кременецкий.

И опять изю рва летят комья глинны...

Вечером возвращаемся в Москву. Прямо с вокзала из автомата звоно Игит.

— Приходи ко мне, — говорит она. — Прямо сейчас.

У Игит я никогда не был. Знаю ее дом, знаю окна. Сколько раз смотрел на них, ожидая, когда она выйдет из подъезда! Знаю лестницу, дверь с табличкой «Хрусталеви», деревянный почтовый ящик, на котором навешан заголовок «Вечерняя Москва». В этот ящик я бросал письма.

Однажды, когда я опустил конверт, открылась дверь, и я столкнулся с мамой Игит, невесомой полной женщиной.

— Вам кого, молодой человек?

Я знал, что Игит дома нет, но мне ничего не оставалось, как спросить:

— Игит дома?

— Нет.

— Игит, можно я смахну с твоих ресниц снежинки?

— Ага! Ну-ка! — бойко говорит она и подставляет мне свое лицо.

...А вот и Красная площадь. Она, как всегда, торжественна. Ленинский Мавзолей. Стрела Спасской башни. Строгие, молчаливые зубцы стем. Круглый купол Дворца, и над ним — красный флаг.

— Поминишь, у Брюсова? — спрашиваю я.

Красное знамя — есть о пролетариате.

Извиваясь колым.

Плещет в голубые провалы верония

Над Кремлем, восточном дворцом...

— Не люблю Брюсова: ии какой-то молодой. Слушай, а когда ты на параде, то где стоишь? Укажи мне место!

— Вот там.

Игит смеется.

— Какой ты важный! Так серьезно сказала: «Вон там».

Потом другим тоном, чуть грустным говорит:

— Уже поздно, пора домой.

— Нет, нет, Игит, сегодня не пора.

— Не спорь: тебе надо готовиться к занятиям.

— Успешо.

Бьют курянти. Мы слушаем, как мерно и величаво растекается над площадью перевоп наших главных черов.

— Извините.

— Может быть, ей что-нибудь передать? — спросила мама и, покосившись на почтовый ящик, улыбаясь такой ободряющей улыбкой, что ответить ей я ничего не мог. Не помню, что и сказал. Виз по лестнице я бежал втрое быстрее обычного.

— Приходи сейчас, — повторяет Игит. — Я очень по тебе соскучилась. Я нерешительно топчусь в телефонной будке. Как можно ехать немедленно, сейчас? Я весь в чертовой глине. Надо бы зайти домой, но уже поздно.

— Извини, Игит. Только я ужасно грязный. Мы сегодня рыли ров.

Игит смеется:

— Это даже интересно: я тебя таким не видела. Приходи. Я жду.

И вот дверь открывается. На пороге не Игит, а мама. Она не спрашивает: «Вам кого, молодой человек?» Она улыбается доброй, приветливой улыбкой. И тут же выбегает Игит. Щурит глаза, громко кричит:

— Сашка!

Я снимаю фуражку, прохожу в комнату. Визую за письменным столом толстого, высокого юншу с высоким чубом.

А это мой брат Игорь, — говорит мне Игит, — познакомься.

Моему братику Игорю, видимо, не очень рад: еле-еле приподнимает со стула, как бы нехотя протягивает руку. Я замечаю, что у него надменные глаза. Мы сидим в комнате втроем: мама на кухне, — разговор не вяжется.

— Что ты сегодня делала, Саша? — спрашивает Игит.

— Бемло рыли. Недалеко...

Моему братику Игорю, видимо, не очень рад: еле-еле приподнимает со стула, как бы нехотя протягивает руку. Я замечаю, что у него надменные глаза. Мы сидим в комнате втроем: мама на кухне, — разговор не вяжется.

Игит вываливает в военкомат. И освободил. По здоровью.

— Игит, — раздраженно обращается к ней Игорь, — перестань! Кто это интересно?

Мы все молчим. Потом Игит спрашивает меня:

— Хочешь чаю?

Я голоден, как дистрофик, но отрицательно мотаю головой.

— Тогда на улицу выйдем?

— Выйдем.

Улица темная-темная, черная-черная.

— Ну, расскази же что-нибудь, — говорит Игит, прижимаюсь к моему плечу. — Или лучше читай стихи! У тебя это здорово получается. Только то, что я не знаю...

— Вчера на дежурстве прочитал сборник Долматовского. Правда, сразу не припомню...

— Ну, ну... Что поминишь?..

И я читаю:

Есть в первой любви обреченность разлуки.

Но в памяти шрам остается навеки.

Ведь форму свою сохраняют излучи

Давно обмешенных и высушенных рек...

— Красиво, но очень грустно, — говорит Игит.

— Не к месту? Но это — то, что вспоминал.

— Ничего, ничего... Слушай, а как живут твои друзья? «мушкетеры»?

— Хорошо. И Курский, и Дорони, и Тучков. Мы вместе дежурим на крыше...

— А ты поминишь, как растут цветы из сета?

Я сжимаю руку Игит, нежную, мягкую, податливую, самую дорогую. Больше нам скажет сегодня не суждено почти ничего: свет сирени, воздушная тревога! Десятки прожекторов, которые танцуют до сих пор в густой темноте, включают разом, и голубые лучи их, то скрепящаясь, то расходясь, беспокойно обшаривают осеннее небо.

Перед нами вспыхивает огонек карманного фонаря, и мы слышим раздраженный голос:

— В бомбебужеще! Не знаете, что ли?

Это милиционер.

В бомбебужеще мы, конечно, не пойдем. Поэтому со всех ног бежим от милиционера.

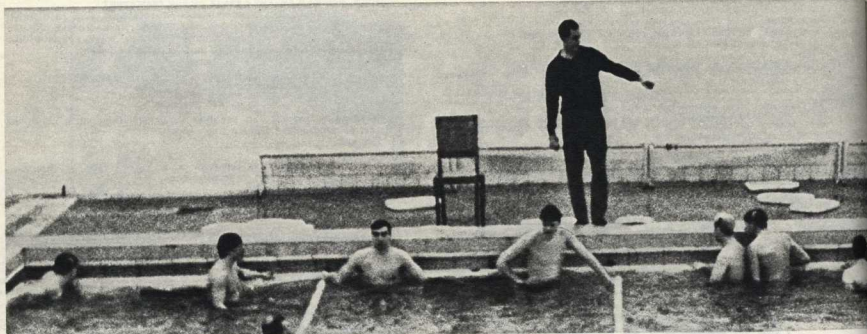
Вдогонку нам несется трель свистка, и этот свисток склывается с другим — страшным, воющим, дьявским, с каждой секундой все более громким.

Мы падаем на газон, нас оглушает взрыв, нас подбрасывает.

Бомба угодила совсем рядом.

— Не бойся, Игит.

— А я и не боюсь, когда с тобой...

Аудитория — бассейн. А вместо парт — прозрачная вода.

ЛЕКЦИЯ ПО СПОРТУ

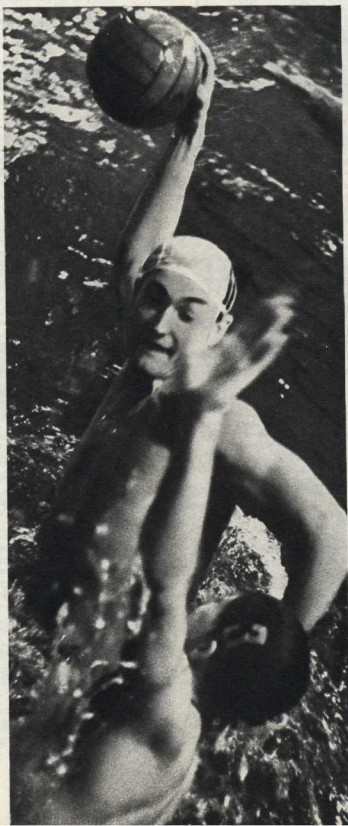
Нет, это все-таки не случайное совпадение, что здание МГУ с высоты Ленинских гор заглядывает прямо в спортивную страну под названием «Лужники». Молодость и спорт навсегда спаяны родственными узлами, и к многочисленным хвалебным эпитетам, заслуженным Московским университетом за свою долгую жизнь, сейчас с полным основанием можно прибавить еще один — «спортивная столица студентов». Собственный легкоатлетический манеж (лучший в Москве), собственный плавательный бассейн, многочисленные залы и площадки, тысячи влюбленных в спорт студентов, успешно осваивающих вместе с прочими науками и науку побеждать в честном спортивном поединке, — вот что такое спортивный клуб МГУ.

Мы пришли в спортклуб, намереваясь познакомиться с асами студенческого спорта — мастерами.

— Кто именно вас интересует? — спросили нас.

— Давайте всех, — наивно ответили мы.

Через минуту пришлось бить отбой. Оказывается, среди студентов 102 (!) мастера спорта, сотни перерожденников. Кого же нам выбрать? Может, лингвистов? Какникак здесь учатся лучшие игроки страны Софья Белоцерковская и Геннадий Аверин. А может, пловцов? Ведь среди них рекордсмен страны Валентин Кузьмин...

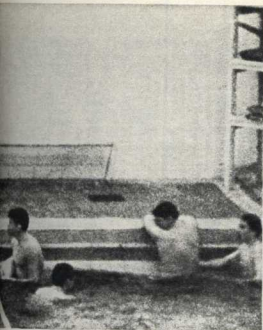

Наши сомнения разрешились быстро и просто, совсем как в детской сказке. В комнату заглянул высокий длиннорукий парень с ужасно знакомым лицом. Ну, конечно же, это Леся Осипов — комсорг олимпийской сборной по водному поло. Вот кто нам нужен — ватерполисты. В прошлом году они впервые завоевали серебряные медали в первенстве страны, а потом лучшие из них отправились на Олимпиаду в Токио и привезли оттуда «бронзу» — награду, на которую никто не рассчитывал.

Леся Осипов только что сдал «зачет», он учится на экономическом факультете. Его коллеги по будущей специальности — братья команды Эдуард Егоров и нападую-

Атакует Леонид Осипов. Его выходы из воды всегда опасны для ворот противника.

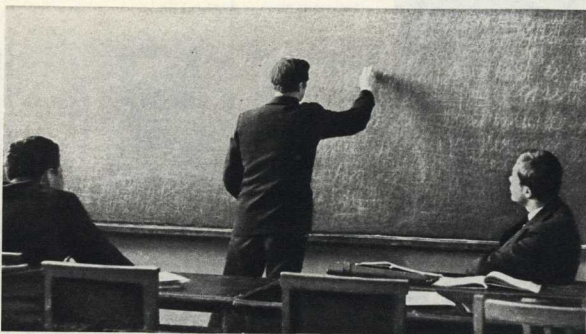
щий Виктор Сомов. А вот и наши коллеги — журналисты Виктор Пирейко и Илья Скигин.

Все вместе идем в бассейн. Сегодня очередная тренировка, даже во время сессии нужно быть в спортивной форме.

— Ну, как, Леня, — спрашиваем мы Осипова, — нынешний год будет поспокойнее прошлого? Ведь крупных соревнований не предвидится.

— Как бы не так! А первенство Союза? А Универсиада в Будапеште? Туда поедет двадцать один студент МГУ, в том числе вся наша команда. А практика! У студентов спокойного года быть не может.

В бассейне нас встречает тренер команды Рустем Михайлович Чачава. Один за другим из раздевалки выходят хорошо сложенные, крепкие парни в белых шапочках. По команде тренера они медленно, неуклюже спускаются в воду. Начинается очередная лекция. По спорту.

На этих двух снимках один и тот же человек — Виктор Сомов. Лучшая иллюстрация к поговорке «Тяжело в ученье — легко в бою».

Студенты, спортсмены и к тому же любители живописи.

Фото В. ЧЕИШВИЛИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

NEWS OF THE WORLD

«НЬЮС ОФ ДЭ УОРЛД» (АНГЛИЯ)

ЭТА

СУМАСШЕДШАЯ

ВОЙНА

Мы знаем технику и материалы, чтобы сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

В тот день немцы захватили взор и мы должны были устроить на их пути как отход. К вечеру мы перешли в наступление и заставили их отступить. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

Через некоторое время над районом появились бомбардировщики. Они сбрасывали бомбы на наши позиции. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

НОРЭС ТОМАС

Несмотря на поддержку политики США во Вьетнаме либеральными правительством, в Англии раздуваются слухи о том, что правительство Великобритании собирается вмешаться в конфликт. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

«СМЕНА»:

Несмотря на поддержку политики США во Вьетнаме либеральными правительством, в Англии раздуваются слухи о том, что правительство Великобритании собирается вмешаться в конфликт. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

The Economist

«ЭКОНОМИСТ» (АНГЛИЯ)

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ПОЛИЦИЯ

Негритянская и пуэрто-риканская полиция в Нью-Йорке вынуждена прибегать к грубым обращениям с подозреваемыми, чтобы заставить их говорить. Эти обвинения обычно относятся к менее серьезным преступлениям, но в последнее время полиция прибегает к жестоким мерам. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

Однако все «рассуждения» о том, что полиция прибегает к жестоким мерам, являются лишь попыткой оправдать свои действия. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

«СВОБОДНЫЙ МИР» О СЕБЕ: РАЗОБЛАЧЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ

правдисты слов Уитмора не приходится сомневаться. Не удивительно, что районный прокурор раздал своим подопытным протоколы суда, содержащего серьезные обвинения в адрес обвиняемых. Он считает, что выданные обвинения не являются справедливыми. Если суд хочет допустить обвинительного приговора, то ему придется признать, что обвинительный приговор не соответствует фактам. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

Сторожевой взвод, Дублин, и властями устраивает по отношению к участникам забастовки за гражданские права меры.

«СМЕНА»:

Английский буржуазный еженедельник «Экономист», опубликовавший эти статьи, пытается оправдать действия властей по отношению к участникам забастовки. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

Le bandit est né

«ИДОЛЫ» И БИЗНЕС

(ФРАНЦИЯ)

Мы не раз становились свидетелями того, как заученные инстинкты и привычки бизнесмена вопреки деловому здравому смыслу заставляют его прибегать к жестоким мерам. Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

первый шаг и преступление... Удалось раз, туда прийти и...

Но в 1944 году... Мы знаем, как сделать из бумаги самолет, который бы летал так же хорошо, как и самолет из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги бомбу, которая бы взрывалась так же сильно, как и бомба из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги ракету, которая бы летала так же быстро, как и ракета из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги танк, который бы ездил так же хорошо, как и танк из металла. Мы знаем, как сделать из бумаги корабль, который бы плыл так же хорошо, как и корабль из металла.

Айзек АЗИМОВ

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

Ночь, которая умирает

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Их свидание напоминало заранее организованную встречу бывших соучеников, и хотя никто из присутствующих не испытывал радости, не было пока никаких оснований предполагать, что это событие будет отмечено печалью трагедии.

Эдвард Таллнферро, только что прибывший с Луны, встретился со своими друзьями бывшими однокурсниками в номере Стэнли Йонеса. Поднявшись со своего места, Йонес сдержанно поздоровался с ним, а Беттерслей Райднер ограничился кивком головы.

Таллнферро осторожно опустил свое большое

Разговор постепенно угасал.

— Последуйте, а почему бы нам не взглянуть на пленку Вильерса? — спросил Конес.

— Мы безуспешно пытались принять самое глоссу отягощенности, и никого не могла обмануть легкая сердечность его тона...

— Мне нам не было чужды часам? — Это никому не нужно... — добавил он.

— Он стремится омонично выслушать, правда ли то, что нам сказал Вильерс? — подумала Таллиаферро. — Пона что он все еще надеется, что это может быть еще один из тех случаев, когда человек в этом сейчас же, иначе ему сегодня грозит бесконечная...

— Если бы только он сам сгорал от любви, тогда он не стал возмущать против предложения Конеса, и давай же!

— Черт возьми, это неплохая идея.

Было около одиннадцати часов вечера.

Таллиаферро разбудил настойчивый звонок у входной двери. Он подошел к телефону, но ничего не нарушил его сон, он пригнулся в темноте на полке. С потолка явился яркий свет и надиктовало, что не было чужды часам? — Это кто там? — крикнула Таллиаферро.

— Прерывистые, резкие звуки закончились. Таллиаферро с ворчаньем набросил халат. Он открыл дверь, и яркий свет хлынул из коридора. Там стоял человек, который ему знакомо было достаточно давно — подошедшим к нему на прошлых летних фотографиях.

— Кто вы представляете? — спросил Таллиаферро.

— Я знаю, — сказала Таллиаферро. Мендель был давно из коридора, он подошел к двери, достаточно деятельный, чтобы быть председателем секции астрономии нынешнего съезда.

— Таллиаферро, — воскликнул, — по словам Вильерса, именно Менделю демонстрировал он свой метод по поводу исследования?

— Вы доктор Эвард Таллиаферро?

— Да, сэр.

— Тогда одевайтесь, мы пойдем со мной. Произошло нечто очень важное, касающееся одного нашего известного ученого.

— Доктор Вильерс?

— Вени Мендель слегка дрогнул. Благодаря искусственно светящемуся освещению глаза его назвали какими-то странно обаятельными, незапомненными. У него были явные редкие волосы, на его голове было несколько прядей.

— Почему вы назвали Вильерса? — спросил он, указывая на упомянутого ученого.

— Потому что Вильерс не человек, а человек, которого, я не могу вспомнить ни одного человека, с которым бы мы оба были знакомы.

— Мендель невинно улыбнулся. Таллиаферро закончил одеваться, вышел в коридор и пошел в кабинет Конеса. Вильерс сидел на стуле, его расположенном этаким выше того, который занимала Таллиаферро. Глаза Конеса были направлены на Вильерса, и он казался бы, что он заглядывался, Райндер ухрился Конеса.

— Вы видите, — произнес Таллиаферро, но его структура пропала даром.

— Да, и все три человека уступились друг другу. Райндер пошел плечами.

— Мендель засуетился, но Райндер зашел за дверь и вперед по комнате.

— Я принимаю свои глубокие извинения, джентльмены, за прерывание бесконечности, — начал он, — и благодарю за то, что вы не отказали мне в моей просьбе. Но мне хотелось бы получить от вас нечто большее. Дело в том, что около часа назад ушел наш друг Фомеро Вильерс, и тело его уехали из отечественной смерти врачи считают паралич сердца.

— Водарился ли какое-то сообщение. Райндер попытаться было поспешить к трупу сигарету, но его рука остановилась на полпути и медленно опустилась.

— Вот бедняга, — произнес Таллиаферро.

— Какой ужас, — крипло прошептал Конес.

— Слова замеры и него на устах.

— Тут уж ничего не поделаешь, у него ведь было бы много средств, чтобы справиться с собой, конечно, произнес Райндер.

— Но он остался в таком состоянии, конечно, неадекватно, сполноно возразил Мендель.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Райндер.

— Когда вы все видели его в последний раз? — поинтересовался Мендель.

— Вчера вечером, — ответил Таллиаферро. — Наше свидание превратилось во встречу бывших знакомых.

— Вы не можете вспомнить, что вы сказали, что вы видели его в последний раз? — спросил Райндер.

— Первую встречу с ним состоялся около девяти часов.

— Первая а встреча?

— Позже мы видели его еще раз.

— Вы ушли из комнаты, где произошло знакомство обмолвка Конеса? — Мы не могли присутствовать с этим и решили попробовать объясниться с ним относительно Вильерса, но мы не успели.

— Вы пошли и нему все вместе? — Выспрашивала Мендель.

— Да, — удивленно ответил Конес.

— Что-то около одиннадцати. — Конес обвел взглядом остальных. Таллиаферро и Райндер.

— Остался нам кто-то оставались? — него?

— Не больше двух минут, — сказал Райндер. — Остался нам кто-то оставались? — явился с целью отнять у него запись. — Он остановился, как бы ожидая, что Мендель поинтересуется,

суется, о наших записях идет речь, но тут промолчал, и Райндер продолжил, что он видел пленку, выходящая на, он всем телом бросился на нем.

— Мы слышали, что он был у вас, но он уже умерал, — с трудом прошептал Конес.

— Тогда еще нет, — решительно сказал Мендель. — Тогда еще нет, — решительно сказал Мендель. — Тогда еще нет, — решительно сказал Мендель.

— Вполне возможно, — согласился Таллиаферро, привычное уважение которого к Менделю по отношению к Райндеру.

— Было четыре часа утра, и плавать он хотел на том, что он хотел.

— Моет быть, вы наконец скажете, что означает этот допрос? — спросил он.

— Я собрал вас не только для того, чтобы сообщить Вильерса. Есть одна вещь, которую вы должны знать, чтобы вы могли понять, что это такое.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

— Я думаю, вы уверены в том, собрались ли вы в кабинет Райндера? — Если вы хотите знать мое мнение, сэр, я думаю, вы были там.

сказал, либо из-за того, что он говорил с трудом и доводило его до слез, либо из-за того, что просто невозможно. Однако одно слово он произнес совершенно отчетливо. Это слово — «конес».

Таллиаферро достал из внутреннего кармана пачку своей фотоаппарат.

— Если хотите, можете проявить мою пленку — с согласия Конеса. Я не против, если вы хотите проявить ее. Вы не найдете здесь записей Вильерса.

— Конечно, — и ему присиделся Райндер.

Мендель принял от них три аппарата и холодно посмотрел на них.

— Полагаю, что тот из вас, кто сделал это, уже успел увидеть и показать пленку с его записями. Но все же...

Таллиаферро приблизительно поднял голову и посмотрел на Райндера.

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м а д а в а б о л е з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м а д а в а б о л е з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м а д а в а б o л e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м а д а в а б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м а d a в a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

— Вы хотите сорвать работу съезда и да в р у м и мировые пресс-службы, радиостро и поставщиков, которых вы считаете за астрономов и астрономов грядущего мира?

— Райндер Вильерс вполне мог принести несчастному случаю. У него на сам о м a d a v a б o l e з н я, и он был у него, действовал под влиянием импульсов и предположений, которые он делал, когда был в состоянии шока.

— Мендель удивленно взглянул на него.

МОЗГОВЫЕ МОДЕЛИ И АСТЕР

Первые прикосновения к мозгу остались воспоминание благоденственных студенческих лет. Был такой предмет: анатомия нервной системы. Едва наша группа рассаживалась, из боковой комнаты появлялся старей-престарый служитель. На подносе, который он держал в руках, горкой были сложены людские мозги. Он шел вдоль столов, выдавая каждому из нас по одному мозгу.

Тяжела не было. Высочайшее творение природы, предел, которого она достигла в неутомимом труде совершенствования, лежал перед тобой на тарелке.

— Дай взглянуть! — сказал, если помню, Гамлет — бедный Йорник. Где теперь твои каламбуры, твои смешные выкладки, твои куплеты?

Хотел бы я знать, что сказал бы принц, получив на тарелке мозг бедняги Йорника. Ну, взгляните, дорогой принц! Не костный короб, не праг, не тлея, а мозг! Субстанция, в которой рождался каламбур и куплеты королевского смиромера. Вот он лежит на тарелке — и что? Мыслимо ли, что эта штукавица, этот кус фигурного мыла дала Йорнка Йорником?

Однако так оно и есть. Омываемый живой и теплой кровью, мозг, когда он на своем месте, умеет не только каламбурить — находится работа потруднее. Надо поддерживать в величайшем и строгом согласии части нашего тела. Приводить их работу в соответствие с тем, что творится вне нас, в окружающей среде. Наконец, самый этот внешний мир мечтает и совершенствоваться, когда он недостаточно хорош. Востину, мозг — венец природы, но сколько его ни рассматривай, понять ничего не поймешь. А хочешь!

Вот и выискивает изобретательная науа всякий к мозгу подход.

Скажем, так: перерезают нервные пути, связывающие одну часть мозга с другой, и смотрят, что изменится. Старый способ, ему уже не сколько летелей, но он полезен и сейчас.

Можно подойти к мозгу с другого конца. Изучать нервные и психические расстройства у больных людей, а после смерти ивелоанализ сопоставить клиническую картину с картиной по-

ражения мозга. И этот способ давно уже дает богатую пищу для размышлений и выводов.

Есть подход, называемый «сравнительным», когда сравнивают нервные системы разных животных.

Есть электрофизиологический подход, когда за работой мозга следят по электрическим сигналам, сопровождающим деятельность нервного клеточек.

И когда из радиотехнических деталей собирают схемы, модели, в которых пытаются воспроизвести некоторые свойства мозга, тоже подпадают под его секреты.

Существует множество подходов, с разных сторон, с разным успехом. Каждый подход — это люди, лаборатории, научные школы, своя литература. Иногда подход разрабатывается в целую отрасль науки, особую дисциплину. Невропатология, сравнительная неврология, нейромия, нейростология, нейрофизиология. У каждой из них свои приемы, свои методы, а устремление одно — мозг.

В старинном венгерском городе Печ работает исследовать, который применяет оригинальный, необычный подход к познанию мозга. Секей (его зовут Дьердь Сёкей) анализирует устройство нервной системы на искусственных моделях. Но моделирование нервной системы вовсе не оригинальный метод, специалисты-кибернетики занимаются этим во многих странах — разве не так!

У Секей модели не такие, как у всех. Он конструирует их не из транзисторов и сопротивлений, а из деталей, взятых у природы: из кусочков мозга и прочего «подсобного материала».

Это кажется невероятным. Однако же мастерством ни обладал экспериментатор, как бы он ни владел хирургической техникой, все его попытки скрыть искусственный мозг на свой ад натолкнулись на упорное сопротивление самого материала. Клетки не давали, ней проводки не подпаивались. Можно еще превратить связи между нейронами в мозге, но как заставший их вступить в новые, необычные связи?

Секей делает это. В его моделях центры устраиваются меж собой отношения, которые не были предусмотрены природой. Сигналы, порождаемые нервными клетками, убегают по тонким пучкам проводников туда, куда их направляет прихоть экспериментатора. Как же ему удастся получать такие модели?

Есть один секрет. Нужно конструировать модель не из самых мозговых «деталей», а из их заготовок — кусочков зародышевой ткани, в которой еще нет нервных клеток, но они неминуемо должны развиваться.

Такие эмбриональные кусочки — несравненно более пластичный материал, чем зрелые нервные элементы. Даже на самом необычном месте и в самом невероятном состоянии они, как правило, хорошо приживаются, продолжают расти и развиваться, и, когда в назначенный срок к ним приходит пора зрелости, когда в них вырастают настоящие нервные клетки, эти клетки начинают работать в таких связях и отношениях, которые им предписывают условия операции.

Операцию зародыши, можно изменить отношения не только внутри мозга, но между мозгом и другими органами тела. Если, например, прирастить зародышу зачаток лапки в таком месте, где лапки никогда не растут, мозг вынужден будет послать к этой лапке нервы. В результате возникнет связь с лапкой у такой части мозга, которая в нормальных условиях «лапки» не занимается.

Если говорить точнее, Секей прилагает к познанию мозга метод, разработанный наукой, которая называется экспериментальной эмбриологией. Сама эта наука не проявляет особого интереса к организации мозга, а ее иные задачи, но оказалось, что ее метод открывает перед наукой о мозге поразительные возможности.

Это кажется невероятным. Однако же мастерством ни обладал экспериментатор, как бы он ни владел хирургической техникой, все его попытки скрыть искусственный мозг на свой ад натолкнулись на упорное сопротивление самого материала.

Клетки не давали, ней проводки не подпаивались. Можно еще превратить связи между нейронами в мозге, но как заставший их вступить в новые, необычные связи? тыны лабораториях, в которой работает Секей, поперваивали всяких чудес. Каким только не было здесь искусство! В авариумах сидели шестингие тритоны. Приходил человек, пуская тритоника на стол и долго внимательно смотрел, как тот двигает лапками.

В плавнике тритоника Секей устривал маленький искусственный мозг, каких-нибудь два десятка нервных клеточек. Вездь настоящий мозг слишком сложен, легко ли разобраться в клубке из многих миллионов нейронов? Чтобы искусственному микро-мозгу было чем руководить, рядом с ним, на плавнике же, выращивалась лапка. Микромозг послушно посылал в нее свои микроныры. А чтобы можно было вызвать в микромозге «кратости», по соседству высаживались чувствительные клетки. Получалась целая рефлекторная дуга. Если чувствительные клетки тронуть волоском, спектаиль разрыгивался в неу-испытательном порядке: импульсы от чувствительных клеточек устремлялись к микромозгу, он возбуждался и лапка возмущенно двигалась.

Зародыши тритоны оперировать относительно несложно. Но можно ли полученные выводы перенести на теплокровных животных? Секей берет за сложнейшую работу: он хочет выполнять подобные операции на зародыше курицы.

Развитие зародыша идет три недели, на двадцать первые сутки из яйца выходит цыпленок. Секей оперирует не на третьей неделе, а на третьем дне развития зародыша. Что он оперирует? Если нам дадут такое яйцо, мы сделаем яичницу и не увидим никакого зародыша, он еле заметен у краешка желтка. И на таком зародыше делается операция. Нужно, чтобы оперированный зародыш продолжал развиваться и цыпленок в свой срок вылез из яйца.

И вот на столе, по которому бегали шестингие тритончики, позволяются тритоника цыплята, и цыплята, у которых мозг перерезан там, где известно одному лишь экспериментатору.

Чтобы добиться успеха, Секей должен был использовать не только методику экспериментальной эмбриологии, но и некоторые закономерности развития, найденные этой наукой.

Организм животного состоит из миллиардов клеточек. Клетки самые разные: нервные, железистые, мы-

щенные, покровные, клетки крови и много всяких других. Но, несмотря на свое различие, они все восходят к общей «прамерити» — яйцеклетке, от которой произошли путем последовательных делений все органы. Любая чужая клетка, попавшая в организм, немедленно уничтожается. Печеночная клетка тритона не найдет общего языка с печеночной клеткой человека или лягушки.

И если механизмы наследования занимается наука генетика, то наука эмбриология изучает механизмы реализации наследственных свойств. Эмбриология существует, пока существует генетика.

Почему же один и те же генетические возможности реализуются в разных клетках организма неодинаково? Почему клетка, делющаяся и развивающаяся в одной части зародыша, становится мышечными, а в другой, допустим, печеночными, хотя и те и другие брались начало от общего скользящего ядра. В чем секрет специализации клеток?

Такова проблема эмбриологии. Экспериментальная эмбриология старается решить эту проблему с помощью опыта, эксперимента. Эмбриологи научились делать операции на таких стадиях развития, когда весь организм состоит из нескольких клеток. Научились оперировать даже части одной клетки!

Постепенно стало выясняться, что направление, в котором специализируются клетки, во многом обусловлено их окружением. Можно перенести участки, из которого должна развиваться нога, в другое место, и та нога не разовьется: под влиянием нового окружения зародышевые клетки возьмут другое направление развития.

Но есть в развитии такой момент, когда пересадка участка зародыша в новое место не меняет направления судьбы этого участка. И теперь куда бы эмбриолог ни пересадил кусочек ткани, находящийся на месте будущей ноги, из него все равно вырастет нога. Хотя на голое!

Таким образом, в предистории каждого признака есть чрезвычайно важный рубеж: Пока он не пройден, затеку может изменить направление развития. Но когда этот «нервный рубеж» остался позади, все концы сожжены. Направление развития определено, сбить его нельзя. Признак, как говорят эмбриологи, детерминирован.

Исследователи, собравшиеся на свой особый и перекрестный конструктор мозга, ограничили с двух сторон. Нельзя делать операцию рано, пока развитие мозговых затеку еще не детерминировано. В этом случае новым мозгом переживаемый затеку просто примет свойства того центра, который должен был развиваться. Нельзя делать ее и поздно: когда в затеках уже развились нервные клетки и установили меж собой связи. Нужна золотая середина.

Меня показывал фильм. Дело было в мае 1956 года, осенью, в небольшой аудитория Московского университета.

Мы увидели тритона: он сидел в банке с водой, и справа от его головы высовывалась червяк. Третье животное следил за червяком, что заметно выше головы. Они всегда так делают, прежде чем кинуться на до-

бучу. Варуг прыжок — но куда? Червяк у него справа, а он хватает рот пустое место слева от головы!

Секей объяснял. Когда тритон еще был тритонем, а был ириноксой, Секей забрал у него затылочный глаз, повернул на 180° вокруг зрительной оси и вставил обратно. Тритуноксы рос, глаза развалились, у нервного клетка сетчатки выросли отростки, они собрались в один пучок — зрительный нерв — и отправился к мозгу. Так как тогда такое волокно иступило в контакт с той или иной нервной клеткой.

В об этом фильм был забавен, но за забавой стояла серьезная проблема.

В самом деле, почему тогда шаговое тритона получает извращенную информацию? Если бы затылочный нерв выросший глаз, уже установивший связи с мозгом, извращение зрительного восприятия было бы вполне понятно: это все равно, что установил перед глазами линзу, которая переворачивает ход лучей. Но ведь волокно отправилось к мозгу после поворота глаза!

Оставшись предположить, что и после поворота кавды нервная клетка глаза послала свой отросток к той самой клетке мозга, с которой она должна была связаться, если бы глаз стоял в своем обычном положении. Как ни вярты, затеку, а каждое волокно зрительного нерва находит в мозге свое законное место! Так что же, чуваствует оно, что ли, своего партнера в мозге? Неужели в каждой из миллионных клеток, с которыми связан зрительный нерв, есть свои частные отличия?

Сделать такую допущение очень трудно. Однако факт оставался фактом, тритон хватал рот пустое место, и нужно было искать объяснение.

Проблему, о которой идет речь, начали решать в лаборатории Секей связи. Она касалась не только зрительных связей — но сути, все мозги мозга совершается нормально лишь до тех пор, пока импульсы от каждой из его клеток приходят не куда попало, а совершенно определенным клеткам. Эта проблема чрезвычайно интересовала Секея.

Он был тогда, в 1956 году, совсем начинающим исследователем — одна лишь его публикации и куда планов. По-русски Секей не говорил, и опекать его было поручено мне. Правда, причиной были скорее не языковые трудности, так как мое понимание немецкого и французского жизни: он предпочитал немецкий, а я английский. Причина была другая.

В то время, когда у меня жили трехглазые лягушата, а на нашей кафедре физиологии я был циклопиком, мне пришлось участвовать по операции на ихнем брате.

Я позволило себе несколько отвлечься от Секея, так как трехглазые лягушата — это самое интересное слово, заслуживающее упоминания.

Нас одолевали экскурсии. Новое здание университета лишь недавно вступило в строй, и много молодых людей хотели посмотреть и пощупать хребты науки, о котором так много и так возвышено писалось в то время. Школьники, студенты, учителя, без циклопиков, мистификаторов, разных командировочный люд — экскурсии за экскурсиями, и надо было как-то удовлетворять их любозна-

тельность, но чтобы и работе не вдалеке.

Нужда заставила нас выработать тактику. В некоторых комнатах кафедры мы держали наготове своего рода аттракционы, просто и эффективно удостоверявшие безграничную силу науки.

Должен заметить, что у нас, помимо «аттракционов», существовала и настоящая, обычная работа: когда мы посещали специалисты-физиологи, мы им аттракционы не показывали, а старались познакомиться с существующими исследованиями и условиями преподавания на кафедре. Я говорю об этом потому, что существовало немало научных учреждений, которые держались на публике аттракционы, рассчитанных на студентов на начальном. Мы же в этом смысле оставались на дилетантском уровне.

Всякий сотрудник стараясь заставить слушателей интересоваться предметом показа экскурсантам. У меня были лягушата. Трехглазые, даже четырехглазые. Когда я говорил посетителям, что все глаза видят, я не преуменьшал, потому что действительно и очень нравились гостям.

В свое время они были нужны для дела: тогда я пытался выяснить, важно ли для формирования нервной деятельности, сколько импульсов приходит в мозг? Как влиять на количество импульсного притока? Я решил изменить число органов, рещающих импульсы в мозг. Поэтому у меня жили голоногие лягушата: у них в одном глазом, с двумя, тремя и четырьмя. А пользоваясь для их получения методом эмбриональных операций, мы по сравнению со сложными операциями Секея были все же примитивными. Потом они кончились, голоногиек превратились в лягушата да так и жили, ненужные более для работы, но зато полезные для показа гостям.

Вот в один из вечеров, когда мы ждали, и не узнал бы Секея. Но я его узнал, и мы подружились.

Мы разжились икрой аксолотля, и Дьердь показывал некоторые трудные операции на зародышах. Вечерами, когда на кафедре оставались только аспиранты да дипломники, мы сидели с этой икрой, коверкаясь в ней или так, разговаривали о всякой всячине. Был и Секей. Он не делал нерв и строение. Тем для разговора хватало. И все же мы опять и опять возвращались в вопросу об эмбриональных операциях, об их применении к пересадке нервов.

Самая идея — изучать мозг, перестраивая по-новому нервные связи, — не была новейшим изобретением. Еще в середине прошлого века физиолог Флурзель пересаживал нерв и выяснял его с концом от другого нерва; регенерирующие нервные волокна прорастали по чужому стволу в совершенно новое, необычное место.

Эти опыты забыли, и наступил долгий период. В 20-х годах нашего века интерес к экспериментальной перестройке мозга снова возродился. Основательницей стала американская пропагандистка нейролог Пауль Вейс. Вейс пересаживала аксолотлю лягу, взятому от другого аксолотля, и показала, что пересаживание лягушки оказывается, если не движется в сторону какой сегмент спинного мозга посылает к ней нервы. На основании этих опытов Вейс и выдвинула проблему специфичности и даже

дал свое объяснение этому явлению. Вейс полагал, что в разноголосую возбуждений, охватывающих мозг, каждая группа нейронов выискивает свой, который ей слышит. Когда в эксперименте мышца получает нерв от чужого центра, она не движется: нет резонанса!

Третье Вейса так и завалась — резонансом.

В 1936 году появилась большая работа Вейса «Избирательность, копирующая относительность между центром и периферией в нервных структурах». Вейс не только выдвинула резонансную теорию. Он пришел к выводу, что этот резонанс устанавливается, делается в процессе развития. Когда нерв только попал в мышцу, между ними еще нет резонанса, но затем от мышцы по нерву назад, к центру, к нервным клеткам начинают поступать кивания возбуждения, под влиянием которых центральные клетки модулируются и приобретают способность руководить именно этой мышцей.

Такое обратное действие Вейс назвал «специфической модуляцией». Это несколько таинственная концепция в течение долгих трех десятилетий была единственной аргументированной гипотезой, пытающейся объяснить специфичность нервно-мышечных связей.

В самом конце статьи Вейс, уже шрифтом следовало примечание: «Когда статья уже находилась в печати, я узнал об интереснейших экспериментах П. Антонио и сотрудников, опубликованных в недавно вышедшей книге «Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности» (Горный, 1935). Я сожалел, что эта работа пошла в мое поле зрения слишком поздно и я не смог обзавестись ею в этом сообществе».

Петр Кузьмич Антонио, один из талантливейших учеников Павлова, осуществлял в эти годы большую серию исследований на леополитации животных по методу перекрестного шивания нервов, предложенному Флурзелю.

Таким образом, у Секея были предвестники. А непосредственными его учителями был один из крупнейших физиологов, специалист по строению нервной системы, профессор Сентогаит.

Очутившись в Москве, Секей, естественно, захотел побывать у Антонио.

Антонио организует визит к Антонио было моей обязанностью, и прежде всего я счел разумным объяснить Секею некоторые деликатные детали, специфику, что ли, того не совсем обычного состояния, в котором пребывала наша биологическая наука.

Был, повторю, 1956 год. Прошел двадцатый съезд, была объявлена война бюрократизму. Так и естественно, сразу и сразу, и наш биологический культ с его бесчисленными «экзотическими полетити» вслед за главным култом. Все мы, работавшие в биологических учреждениях, знали, что съезд ВАСНЦИ 1948 года был одним из самых жестоких и тяжелых по своим последствиям мероприятий культа. Мы ожидали, что истина восторжествует.

— Наконец-то! — сказал Секей. — Если бы ты знал, как тяжело преподавать студентам то, что я сейчас преподаю!

— Дьердь, — сказал я, — ведь в нашей стране в самом деле есть отличные ученые. Мы не виноваты, что вам внушили извращенное представление о советской науке. Больше этого не будет.

Я хотел, чтобы Секей знал, что экспериментальная эмбриология задано с генетикой была у нас после 1948 года вне закона.

Я посетил его в Судбух Дьердь. Нужно было, чтобы Анонко не задал Петру Кузьмичу бестактного вопроса. Скажем, почему он не продолжил исследований, связанных с экспериментальными методами нервной системы? Эти и другие исследования Анонко были квалифицированы как кривизна идеальных основ материалистического учения И. П. Павлова. За такое делал по долгу судьи гладиатором сейчас Анонко возвращается к нормальной научной деятельности.

Мы посетили его лабораторию на Моховой. Мне показалось, что Петру Кузьмичу интересно и, более того, приятно рассказывать о методах работы мозга. Он загорелся, вспоминая старые свои опыты, делился планами. Уходя на час.

Через несколько дней, в Ленинграде, возвратившись в один из вечеров в гостиные, мы встретили физиолога Граштина. Он сказал что-то Секею по-венгерски. Тот остановился, переспросил. Они заговорили быстро, перепрыгнув друг друга.

— Скажи Секею, — сказал он мне. «Плохое настроение», — сказал он. — В Венгрии стреляют. Кажется, мы в Венгрии.

Мы вернулись в Москву.

Группе венгров, имевших дипломы врачей, удалось получить самостоятельное посещение. По дороге они рассчитывали добраться до родины. Самолет улетал поздно вечером. Лил дождь. Я дал Секею на прощание бутылку армянского коньяка. Прилетевшие подошли к самолету, и Секей и Граштин подняли воротник. Дьердь махнул мне рукой.

У, вот мы и встретились, Дьердь!

Он сидел за столом в белом плакате и поднялся, когда я вошел.

— Немного же прошло лет. За это время у нас родилось по сыну, — сказал Дьердь, усмехаясь.

— И оба пошли в школу!

Было у меня всего три-четыре часа. Я хотел распространить о многом, но мог сосредоточиться ни на чем.

— Походим по Печу, — предложил Секей. — Это славный старый город, войны не тронули его.

Только что прошел сильный дождь, жемье льдыша платанов налипли на тротуар, но солнце светило ярко, и город был чудом как хорош.

— Ваш октябрь и наш октябрь, — сказал Секей. — Печ считается теплым даже для Венгрии, ведь мы на самом юге страны. Если подняться на эту гору, хорватов видно. Это не думай. Кстати, тогда, в ялтындзештом, на границе мы попали в историю. Там был мост, нас не пускали ни туда, ни сюда. Ни назад, в Венгрию, ни вперед, в Россию. Был страшный холод, мы с Граштинном расклини коньяк на этом мосту, он

оказался кстаи. А ты получила «Уникуму»! Помнишь, что несколько лет назад намойто венгр привез от Секея подарок — черную круглую бутылку некоей жидкости. Гадость была несусветная.

Мы зашли в ресторан, сели у окна. Сидеть начинала дождь.

— «Уникуму!» — предложил Дьердь. — Прекрасный аперитив! — Мы... Да, да.

Обираный принес две тонких рюмки. На чай они тоже. Закусочный барьер был получше. Или мои вкусовые рецепторы за месяц в Венгрии перестроились на венгерский лад?

— Так вот, — сказал Секей, — если ты помнишь мою статью шестьдесят три года, я раскажу тебе, что было дальше.

Конечно, я помнил эту работу. Дьердь отдал ей несколько лет, и я по письмам мог бы восстановить ее этипы. Это была дкская работа, считавшаяся в то время самым лучшим достижением. Отличие этой работы в том и заключалось, что она дала ясный ответ на старый запутанный вопрос того года.

Существо дала состояло в следующем.

Пустим тритона бежать по столу. Кинопленка поможет нам расчлнить его движения на фазы, и мы заметим, что это одно оево, законченное действие. Из четырех лапок работает в строгом согласии со всеми остальными. Выступают вперед передняя правая лапка, вслед за ней задняя левая, затем передняя левая, задняя правая. И так далее. В каждом цикле четыре такта. Ton-ton-ton-ton. Ton-ton-ton-ton.

Чем организуется эта последовательность движений, подсказывает две возможности. Во-первых, может быть, что в работающих мышцах возбуждаются чувствительные нервные окончания, и от них идет в мозг сигнал, который в первую очередь определяет следующую фазу цикла, включая в мозге соответствующие моторные нервные клетки. Импульсы от этих клеток заставляя сокращаться в одну группу мышц, в тех тоже возбуждаются чувствительные окончания. И так далее. Конечно звано каждого рефлекса порождает начальное звено следующего рефлекса. Получается цепь рефлексов с обратными участками — мозг, такт и мышечных органов чувств.

Вторая возможность: координация движения осуществляется только в мозге, а участие мышечных органов чувств несущественно. По этой гипотезе в каждый конкретный момент возбужденные нервные клетки оказывают воздействие не только на мышцы, но и на другие нервные клетки, обеспечивая этим наступление следующей фазы цикла. Только координационное движение обеспечивается структурными особенностями нервного центра, характером связей между его клетками.

Оба предположения правомерны, а решить спор должен был эксперимент. Совершенно ясно, что решается не только о тритоне и его ходячке. Это вопрос принципиальный. Что лежит в основе сложных координационных действий? Цель рефлексов с обратной связью? Или это только координационное движение обеспечивается структурными особенностями нервного центра, характером связей между его клетками.

Сам Анонко, подсказывая разоблачительную взаимосвязь исследований, высказался в пользу структуры центра! Спешивая же по столу тритончик — лишь относительно простой и удобный объект.

Сам Анонко, подсказывая разоблачительную взаимосвязь исследований, высказался в пользу структуры центра! Спешивая же по столу тритончик — лишь относительно простой и удобный объект.

чувствительные волокна, не задев двигательные. Тогда рефлексы от чувствительных окончаний в мозге не смогут, цель рефлекса претврьется, и остается только посмтреть, останется ли координированное движение лапок.

Но эти предположения сломаха зубы не одна лаборатория. В нем оказалась скрытая трудность. Чем больше перерезали чувствительных нервных волокон, тем ниже падал тонус нервно-двигательного аппарата. Стаивалось вялым, расслабленным, апатичным, и не то что бежать, а и просто шагнуть оно было не в силах. Как же тут проверить, сохраняются ли координация? Ученые делали один и те же опыты, а выводы у всех получались разные.

Секей пошел по другому пути. Никаких перерезок, никаких апатичных животных. Целью, здоровье, бодрость животное, но сделанные на заказ.

Как поведут себя передние лапки, если их будет иннервировать мозговой центр задних лапок? Подобно передним.

Секей конструирует тритонов, у которых участок мозга, иннервирующий передние лапки, заменен взятым от другого тритона участком, передним задних лапок.

Если права теория центрного рефлекса, передние лапки должны сохранить свои характерные движения на каждой фазе цикла ходьбы: задняя лапка движется вперед, контролируется мышечными органами чувств, а с ними ничего не случится, — заменит только участок мозга. Но вот тритон вырастет, и передние лапки движутся в фазе задних. Хотя мышки — это задние!

Центр и только центр определял способ участия мышц в координированном движении. Секей подсовывал мозговой центр передних лапок задним лапкам, и наоборот. Задние лапки в эти весте себе неподобные передних. Между двумя парами собственных лапок Секей выращивал третью пару и напротив не подменял участок спинного мозга. То центром, передних конечностей, то задних — и независимо от того, что это были за лапки по своему происхождению, они послушно начинали принимать участие в координированном движении в соответствии с происхождением центра.

Но значение этих опытов шло дальше. Они окончательно разрушили представление Вейса о специализации нейронов. Какой уж тут резонанс, если передние лапки прекрасно понимают голос мозгового центра задних лапок! Какая уж тут мускулатура, если при контакте с мышцами передних конечностей центр задних лапок рвнзывает присутую ему внутреннюю структуру координации и, более того, навязывает свое понимание координации передним лапкам.

Концепция Вейса затрещала по швам. А других концепций нет!

Как вот, — начал Дьердь. — Теперь я расскажу тебе, что было дальше. Дальше я попытаться представить тебе, каковы требования должны отвечать структура нервных центров, обеспечивающих их координацию конечностей. Один центр и четыре ноги — четыре выхода. Ton-ton-ton-ton. Что это такое? Разряд на первом выходе, затем на втором, на третьем, на четвертом. И так далее.

Можно создать абстрактную кибернетическую модель, обладающую

такими свойствами. Но меня интересовала конкретная структура — структура нервного центра.

Для начала я попытаться вспомнить все, что знаю о строении и работе спинного мозга. Возбуждающие нервные окончания на его двигательных клетках и приклад аргументов к пользу их тождественности. Заметим это обстоятельство.

Далее. Для выявления координированного движения необходим приток возбуждающих импульсов. Невадно, каких — отсюда и вытекало, тем движению активный, мало — животное становится вялым. Все опыты с перерезками чувствительных волокон говорят об этом. Значит, приток возбуждающих импульсов является в количественном смысле. На так ли! Чем же тогда обеспечивается взаимная координация между двигательными клетками? Выходит, что их тормозным притоком является активный, а также некоторые другие и нерисовал схему. Вот она.

Секей проткнул мне рисунок. Схема как схема. Максимальная степень упрощения. Четыре двигательных клетки с их выходами, четыре вставочных клеток, nessun хитрый рисунок тормозных связей между всеми восемью клетками, возбуждающий вход всего контура. Можно нарисовать так, можно и иначе, что из того...

— Мне кажется, — сказал я осторожно, — физиологи трудно будет убедить, что асо регуляцию берут на себя тормозные клетки. — Но это факт! — воскликнул Секей. — Схема работает! — Что значит «работает»? — А вот что. Кибернетик собрали такую точно цепь из искусственных элементов. Расчеты ее работы были очень трудны, никто заранее не знал, как она себя поведет. Теперь смотри.

Он дал мне еще один рисунок. Это была осциллограмма. На четырех выходах регистрировались работа четырех выходов искусственного мозга. Залп импульсов на первом канале. Он еще не кончился, как начались залп на втором. Затем разражается третий, затем четвертый. Снова первый. Ton-ton-ton-ton! Четырехтактный цикл!

— Черт! — сказал я. — А если умные животные не могут понять? Цикл урмается. Толкает, но рвже. Как тритон, если бы ему перепал парочку чувствительных нервов!

а этом я хотел бы закончить рассказ о моем городе, хотя мы еще сидели некоторое время в ресторане города Печ и разговаривали. И я в ну, ведь прощай, и ты в Венгрии. И ты в Венгрии его заставляли преподавать студентам учение о живом веществе, а он засмеялся и сказал, что такое времена давно прошли.

— А у вас все еще преподают!

— Слава Богу, нет, — усмехнулся я.

— Все постепенно становится на свои места.

Город за большим оном начал обсыхать от дождя, но где-то вблизи грохотало. И мы вперло узкие тротуары, которые так и не успев просохнуть, да и поговорить мы почти ни о чем не успели.

ТАМ, ГДЕ БЫЛА «МАТИЛЬДА»

Л. СТЕПАНОВ

Когда после окончания войны жители Дрездена разобрали обломки на Мюнхенской площади, в одной из разрушенных стен бывшей тюрьмы нашли старую бутылку с листочком пожелтевшей бумаги. На нем были написаны стихи. Их написал в 1904 году при постройке тюрьмы каменщик Отто Брехт. Каменщик Отто и не думал быть пророком, он просто выразил свои чувства по поводу того, что ему, рабочему человеку, приходится строить тюрьму для тех, кто борется за его же интересы, — для социалистов. Но извольте строки простого каменщика оказались точным историческим пророчеством: на востоке Германии восторжествовали человечность, честность и труд.

Однако, прежде чем прощество Отто Брехта сбылось, Германии было суждено пройти через самое тяжелое испытание во всей своей истории.

...Мы входим в ворота бывшей тюрьмы на Мюнхенской площади, которая бы-

ла известна всей Германии под именем «Матильда». Наш провожатый, коммунист Эрих Шефер, вводит нас в полутемную комнату с каменным полом, где находятся первые экспонаты музея. Свой рассказ он начинает как обычно: «Мы с вами находимся в тюремной мертвецкой...»

Теперь уже никто не может сказать с полной достоверностью, сколько лучших сынов и дочерей Германии являлись из «Матильды» через эти двери. В 1933 году гитлеровцы изготовили 20 гильотин для самого экономного физического уничтожения узников, приговоренных к смерти. Одна из них стояла в «Матильде». За шесть первых лет она обезглавила 1 069 мужчин и 16 женщин.

В музее собраны не только письменные документы о кошмарных буднях «Матильды». Сохранилась граммофонная запись, воспроизводящая подготовку к казни группы дрезденских подпольщиков, возглавляемой Куртом Шлоссером.

Эта группа молодых рабочих была связана с самой боевой, лейбштандарти организацией сопротивления фашизму, которой руководил старый коммунист Георг Шуман, близкий друг Карла Либкнехта.

Группа Шоссера выполняла важнейшую и опаснейшую работу — она осуществляла связь через границу с чехословацкой подпольей.

Шороз граммофонной пластинки в репродукторе, потом тяжелые шаги по эшафоту узников, приговоренных к казни. Резкие, нервные вопросы палачей. Спокойные, торжественные ответы коммунистов: «Да, я Курт Шоссер», «Да, я Курт Шейцлер», «Да, я...»

Наш провожатый Эрих Шефер показывает нам односторонние камеры, в которых сидели смертники. Один шаг в ширину, два шага в длину. Шпателька на стенах местами выбита канитом острыми инструментами. Это сделали нацисты перед самым концом войны. Они боялись тех страшных обвинений, которые были надвинуты узникам на стенах в предсмертные часы обломком ложки, ногтями, слюпкой, написаны кровью...

Во дворе бывшей тюрьмы возвышается памятник немцам Боркам против фашизма. Перед ним подолгу стоят люди, приезжающие в Дрезден из городов ГАР, ФРГ или из других стран. Пять бронзовых фигур. Пять приговоренных к смерти стоят перед штурмом...

И тут же неподалеку мраморная плита со словами Георга Шумана, страстно произнесенными за минуту до смерти: «Пусть нам суждено умереть, но Германия мирная, человеческая, социалистическая, должна быть и будет создана тогда, кто идет за нами».

Германия мирная, человеческая, социалистическая совсем рядом с памятниками. Ведь музей бывшей тюрьмы находится только в подвале, а само огромное

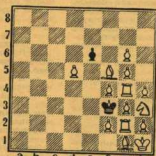
здание перестроено, и теперь здесь Высшая техническая школа Дрездена. Государство выделило на перестройку 6 миллионов марок, и теперь никому из тех, кто приезжает в Дрезден впервые и проходит в университет, минуя торжественный музей, даже в голову не придет, что он находится в здании бывшей тюрьмы. Прекрасные учебные залы, красивые коридоры, уютные комнаты студентов. И есть в этом огромной символический смысл!

Эрих Шефер заканчивает свой рассказ в просторном и красном отделочном зале. Здесь когда-то было фашистское судилище, выносившее смертные приговоры. Здесь был вынесен приговор поэту Мусе Дималю. Здесь был осужден и наш провожатый Эрих Шефер, правда, еще задолго до этого — в 1931 году.

— Да,— говорит, улыбаясь, Эрих Шефер.— Меня арестовали за то, что я был комсомольцем и организован пионерский отряд. Мало было нас тогда, комсомольцев. А теперь среди 15 тысяч студентов Высшей технической школы их вот сколько! А во всей республике членов «Свободной германской молодежи» — это наш комсомолец — целая миллионная армия. Между прочим, вожак этой армии Шуман — сын герцога коммуниста Георга Шумана.

Недавно здесь была делегация вашего комсомола. Можете мне не верить, но я чуть не расплакался. Ведь еще в 1931 году мы, комсомольцы Дрездена, были связаны переплоской с ленинградским комсомольцами. Я переписывался тогда с двумя комсомольцами с завода «Электросила». Они тоже были пионеро-жатами. Одну звали Тоня Перфильева, другую — Ирину Комарова. Где-то они теперь? Почти тридцать пять лет прошло, и столько всего за это время было... Но все-таки мы с вами победили. Социалистическая Германия существует, крепнет и строит свое прекрасное будущее.

КТО ВЫ ВЫИГРЫВАЕТИ

Уловке этой задачи известный шахматный журналист С. Лойд произнес новацию. Можно было лишь услышать: «...чинают (безголос Лойда onep) и дают мат в четыре хода».

Присутствующие долго блуждали по полноте, но черным мат в четыре хода оказывался безрезультатным.

Почему белому? — привторно удивился Лойд довольным тем, что вынул своих слушателей. — Я ведь ясно сказал: черные начинают и дают мат в четыре хода.

И действительно, единственная черная пешка нонатурирует белого короля.

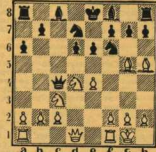
ИЗ ТВОРЧЕСТВА ПРЕТЕНДЕНТОВ

Богат шахматными событиями нынешний год. Особенно внимания любителей древней игры привлекают матчи претендентов на мировое первенство. В апреле — мае. Сначала крестинский турнир в Риге. Вскоре — объединенный турнир в Ашрафеле — мае. Сначала крестинский турнир в Риге. Вскоре — объединенный турнир в Ашрафеле — мае. Сначала крестинский турнир в Риге. Вскоре — объединенный турнир в Ашрафеле — мае.

Лучший из этой «великолепной четверки» встретится в финальном состязании с победителем матчей двух четверки претендентов: Михаилом Таль (СССР) — Лайош Портиш (Венгрия), Борислав Иванко (Югославия) — Вент Янсен (Дания), которая «вступила в бой» в июне в Югославии. Вот несколько примеров из многолетней шахматной практики первой четверки советских гроссмейстеров.

достигнута победа: 12. f5! de 13. fe1 fe 14. Kf5 K-b3 15. Kd4 K-b4 16. K-f7 K-f8 Kрb17. Kd6 + 1. Теперь нет защиты от решающего череды движения 18. е7. Черные сдались.

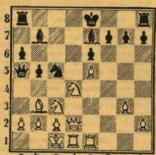
Вы видите позицию, которая сложилась в партии П. Гереса с гроссмейстером А. Нотовым на международном турнире претендентов 1950 года в Бухаресте. Легко заметить, что был разгран популярный дебют — сицилианская защита. Черные, которыми играл Нотов, отстаивали мобилизационную фигуру, король их задерживался в центре. Этим обстоятельством не преминул воспользоваться Герес, администраторно выраженному мобилизационного качества. Эффективной и совершенно неожиданной жертвой коня он создал опасные угрозы. Обо-

роняясь, черные понесли непоправимые материальные утраты.

Варьян закончился так: 10. K-e6! Ф-е6 11. Kd5! Kрb12. C-d4 Ф-e5 13. f4 Ф-e4 14. C-f7 C-d7 15. K-f6 Kр16. C-f6 + Kрc7 17. C-b5 C-d6 18. C-f7 C-b8 19. Jаe1, и белые легко выиграли.

К этой интересной позиции пришла партия В. Спасского — Л. Портякина на чемпионате СССР 1958 года. И здесь король черных не

успел ронировать Спасского, чья излюбленная манера игры как две капли воды похожа на нераскрытую, явную предпочитает «критический» метод «террористическому». Комбинационный удар, связанный жертвой слона и коня, мог повести к победосильной атаке. Но черные не правили жертву, и красивые варианты оказались за бортом партии. Вскоре Спасский ради атаки предложил жертву коня, но и она была отклонена. Пришло время выигрывать прозаически, реализуя лишнюю пешку...

Выло сыграно: 17. C-e6! 0-0 (или 17. fe 18. Kрe1 K-e6 19. Фd7 + Kрf20. Jf1 +, и белая черных брзока 18. Cb3 Cb2 19. Фd4 b4 20. Kd4! h6 (или 20. ... K-e4 21. Kf5! K-f1 22. Jd1! C-c5 23. Ф-е3 g6 24. Kf6 + Kрg2 25. Kрg4 + белые выиграют). 21. K-c5 Ф-с3 22. K-d4 C-c5 23. C-b3 24. ab + Jd1 + 25. Jd1! Д-б2. Ф-е4 C-b7 е7, и через несколько ходов черные сдались.

Под редакцией мастера В. ЛЮБИНСКОГО

«Равней, Меружан! Спокойнее! Надо сажать старшего брата!»

норские, а купить новую трудовую... —
 легче научиться влезть самому.

Для артиста цирка вообще очень характерен этот универсализм. Они в своей основе действительно рабочие люди. Глегор Григорян, например, готов вместе со своей малярницей Анжеликой Григорян номер под названием «Человек-удав», сам сконструировал железные башманы, в которых они будут ходить под куполом внах гисовой. «Бронзовые люди» сами минят, проверяют, устанавливая приспособление, на котором вылезает и рбаотает на маневре. Дудучкин, руководитель группы акробатов-прыгунов, сам придумал «бочку», в которой продлевать головоуныиый трюк.

Такова жизнь в цирке. Бесконечные репетиции, вечный тренинг. Строжайшая диета (борн из братьев Аполлоны талантливых акробатов, работающих на равне под самым куполом, — выпил всего один из представлений новой бутылку керфира и потом не сумел выйти в стойку).

Размеры репертоара уже подолит сигнал «регламента», и я тороплюсь сжидать несколько слов о самых молодых артистах ереванского цирка. Большое впечатление производит номер силовых акробатов Васчинина и Минасова — они работают необычайно мягко, если так можно выразиться, вирядчно. Не силу, а гармонично, красоту тела, его неисчерпаемые возможности демонстрируют они. Вольтижировщица Нелли Маленинина — некая выходящая циркового уныния, изящная, привлекающая особой целомудренностью исполнений, — разносторонне подготовлена (ходба по проволоке, жонглим, гимнастика). В 1956 году она успешно участвовала во Всесоюзном смотре, несмотря на молодость, успеха много поидать по нашей стране, выступала во многих цирках зарубежных стран — Греции, Югославии, ГДР. Но больше всего запомнилось «хождение за три моря» — поездка в Индию. После индийского солнца, огромных стадион, на котором советские артистам пришлось выступать под открытым небом. На представлении присутствовал и увлеченно аплодировал Джавахарлал Нехру. Тогда же, приехав в советский индийский консультер Радхи Капуру, Нелли бережно хранит фотографию, запечатлевшую эту встречу. Кроме Николлы Маленинина, руководителю этого труппы вольтижировщица и старшего среди них по возрасту, есть еще один Маленинин, по фамилии — Наринан Куниев. Это совсем молодой артист. Он тоже оионичи цирковые умения, как специально развивал гимнаст на мольдах, но сейчас с увлечением выступает вольтижировщица. В группе Маленинина он самый озабоченный человек. Если Наринан не на маневре, то в городской чаталяне: готовится и значетным знаменам в единстве.

Володя Самриденко — молодой номи, пришел в программу прямо из самодеятельности. На мой вопрос: «Как вы попали в цирк?» он ответил: «Дело было в Одессе. Я жил от цирка через дорогу».

Но, конечно, все это далеко не так просто. Были занятия спортом, акробатикой, легкой работя: в одесском цирке Володя начинала как униформист. И первый номер, который отдал на него внимание, был подготовлен им в паре с другим униформистом по ночам, когда маневр был свободен от представлений и репетиций.

В большой группе акробатов-прыгунов Лудучкин есть 20-летняя прыгунья Валя Долматова. Дудучкин захотел, чтобы она выступала в Одессе, где были на гастроли. Валя — прекрасная спортсменка, мастер спорта. У цирковой молодежи больше труда доваа биография за плечами, они отдают все силы искусству, их успех вовсе не дело счастливого случая. Вакансия случалась, впрочем, вообще не бывает. Тренировка, точный расчет, тщательное уважение, поддержка, взаимопомощь — вот непреложные законы в мире циркового искусства. От этого зависит не только красота и успех номера, но нередко и сама жизнь исполнителей. Но хотя и сложен, хотя и труден этот труд, так, бывает, трюк отработывается месяцами, а одно движение — неделями, хотя и рисична он, поощ, но невыносимо не захватывает тех, кто посвятит ему жизнь.

Интересно, мне кажется, сказал об этом артист ереванского цирка Ригго Аганезов. Пронцируя умные, насмешливые глаза, он промисне, кивнув на круг арены:

— Кто попал в это волшебное кольцо, тот не вырвется. Не захочет волшебное кольцо... Прекрасное название для манежа. Очень точное!

Григор Григорян. Этот человек всю жизнь всегда в своей труппе!

оставался! Для того-то и риси и последние титанические усилия таланта артиста.

Цирковым артистом, пожалуй, может быть лишь тот одаренный человек, который способен привести в движение своему искусству, подчинить ему буквально всю свою жизнь. В отличие от других артистов, артисты цирка, как строители, вечно на коленях. Они изучают в городе в городе, на каком-то наездом любого города долгие недели, принеи и усидеть за парты детей цирковых артистов. Едва ли не столько же забот, сколько требуют в дороге и на новом месте дети, приходится отдавать животныи, с которыми артист выступает на маневре. Все равно, рабочий ли день, выходной ли. Ригго Аганезов, Степан Исаакян, Елена Аванесова, сама дрессировщица своего арца, юная артистка цирка, за титаническими металлическими воротами, на которых надписи: «Осторожно, заперто», ласкает орла. Боят копытами лошадей, нарута вскрикивают попуган, летают собачи, талено плещут в своем бассейне бегемоты, шипит за сеткой чернорыбный удав. Каждый идет к своему любимцу, и своему или своего партнера: не болны ли звери, не голодны ли, не сажают ли особено много волнений было во время эпидемии гриппа.

Степан Исаакян наблюдает, как его удавы помирают кроликов (почему-то они предпочитают исключительно белым). Чешется с 86 острыми, как у шушун, зубами приходит в движение. Страшно смотреть. А сколько следов оставили эти зубы на руках дрессировщицы! Он не зря выступает в костюме с длинными рукавами: когда во время номера случается так, что Удав, опирающийся плечем на руку сакарян, умудряется прокусить ему руку, дрессировщица стелает широкий рукав — незаметно для публики. Удавы почти не приручаются. Они не отказываются даже на иил, не ценят ни ласки, ни ухода. Исаакян не режет — дело его воли, способности и риску, наконец, просто смелости. Отыгивая в хвосте борбу Исаакян позволил «партнеру» чуть дольше обычного, испуганнее, чуть больше обычного, влезать в его удаво, сохраняя спокойствие и, быстро пройдя за чудовище, подал униформистам сигнал об удавье. Четыре человека разминали это животное исключительно волевого и в то же время темпераментного артиста. И нет ничего удивительного в том, что в прошлом он был мотогонщиком, испытателем трюков на вертикальной стене.

По-настоящему постигает «эпифизию» цирковой работы не только в тот момент, когда наблюдаешь, как 32-летний Ригго Аганезов, цирковой персонер (в цирке каждый, кто работает 20 лет, имеет право на пенсию независимо от возраста), упирается в диную лошадь и заставляет ее рать «Восточная шутка», когда видишь его на уроках влзания, которые он берет у местного прославленного бабена. Во время исполнения номера осел беспощадно рвет зубами сетку, которой прикрывает бутафорные ботинки в

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ВОСЬМОЕ

В звернице затели рожищю. Было решено переместить зверей следующим образом. В первой клетке — лев, во второй — тигр, в третьей — волк, в четвертой — заяц, в пятой — верблюд, в шестой — носорог, в седьмой — бегемот, в восьмой — зебра.

Попробуйте помочь директору зооучастка осуществить это мероприятие при условии, что при перемещении зверей по дорожкам они не встречались друг с другом. Разумеется, нельзя также сажать двух зверей в одну клетку.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР

В шахматном турнире приняли участие восемь человек. В I туре Яблоков выиграл у Дашгетера, Олег — у Обесита, Кислячкин — у Зубова и Столяр — у Валерия.

Во II туре Виктор выиграл у экономиста, Рыжиков — у бухгалтеря, Валентин — у Хворова и Омиш — у Холодова.

В III туре механик одержал третью победу, выиграв у Сергея; слесарь же, наоборот, проиграл третью игру, проиграв

очко Леониду; Бурновос, выиграв у торгашки, и Краснояр — у Кондрашова, получили по второму очку.

В IV туре механик в борьбе с Валерием завоевал еще одно очко; третье очко завоевал токарь, выиграв партию у Олега; четвертую баракку получил Хворов в игре с Бурновосым; Кислячкин, обыграв ташкентца, выиграл в своей шахке третье очко.

В V туре механик вновь одержал победу, обыграв Зубова, имевшего до этого туров три очка; победил Ласкомко над омишом принесла ему четвертое очко; экономист потерял четвертое поражение от Валерия; снова не повезло Анатолию — пятое поражение от ташкентца.

В VI туре бухгалтер, играя с ленинградцем, завоевал драгоценное пятое очко; свирскин нанес шестое поражение Анатолию; второе очко завоевал Комаров в игре с Сереем, имевшим тоже два победы; токарь выиграл четвертое очко в упорной борьбе с Алексеем, имевшим три очка.

В VII туре Виктор одержал легкую победу над слесарем и завоевал шестое очко, став чемпионом; торгашкино победило второго лидера и получила третье очко; красноярчик обыграл столяра, имевшего два очка, и в пятое очки закончил соревнование; после победоносной игры Бурновос и Кондратьев согласились на ничью, и в итоге соревнований у каждого по 3,5 очка.

Необходимо определить имя, фамилию, профессию и место рождения каждого участника шахматного турнира.

КТО ПЛАЧЕТ КВАСЦ

Около тысячи читателей прислали в редакцию свои решения первого контрольного упражнения заочных курсов умственной гимнастики. Изредшим исследованием ответы были правильными. И все же с контрольным упражнением справились лишь немногие. Дело в том, что задача содержала подвох. Она как бы моделировала условия, с которыми мы сталкиваемся в своей рабочей научной работе. Настоящий исследователь при решении любой задачи никогда не удовлетворится, найдя допустимый ответ. Он должен убедиться, что этот ответ единственно правильный.

Чтобы выработать первое контрольное упражнение, слушатели заочных курсов должны были доказать множественность решений задачи и установить соответствие необходимых допущений и вариантов решений. Те, кто не нашёл один или два ответа, посетили процесс работы над задачей с помощью маршрута, который один из главных заповедей логического анализа. Интересные анализы прислали в редакцию газеты читатели В. Канустов (г. Свердловск), Ю. Куликин (г. Иваново), Г. Соболев (г. Новосибирск), Н. Манайлов (г. Уфа). В Попов (село Яesso, Камчатская область) и другие читатели допускали единственное решение. Наиболее трудный вариант возникает при следующих допущениях: 1. Дома стоят в ряд. 2. Нумерация домов ведётся слева направо. 3. В пятнадцатом пункте условия записать дома цветом — желтого на розовый.

К Р О С С В О Р Д

Составил А. САВЛУНОВ
г. Москва

- По горизонтали:
1. Город в Ярославской области. 4. Русский поэт, современник А. С. Пушкина.
 2. Передача электрической энергии трубкой. 8. Французский писатель. 10. Порт на Аравийском полуострове.
 12. Последовательно развивающиеся события литературного произведения. 14. Государство Африки. 16. Побережье ОАР. 19. Роман Зюльи. 20. Оперетта Кальманна. 22. Ягода в Финляндии. 24. Город в Финляндии. 26. Владоупающая птица. 28. Бабочка. 29. Озеро в Цейлонском крае. 30. Город и порт в Италии.

- По вертикали:
1. Площадка для беиса. 2. Ансамбль исполнителей. 3. Река, впадающая в Ладожское озеро. 4. Летательный аппарат. 5. Листовое растение. 6. Пресноводная рыба. 9. Луночный деформатор, участвующий в освоении пространства против иррепентивства и самодержавия. 12. Артист цирка. 14. Английский писатель. 15. Основоположник современной методики тренировки животных. 17. Снард. 18. Низкий барьер в воздухе. 24. Единичная единица электрического тока. 25. Народный пост-пение. 28. Крупная неводная язва. 27. Южное плодородное древо.

1	2	3	4	5	6
	7				
8	9			10	11
12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29
30	31	32	33	34	35

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАНЫ В № 8

- По горизонтали:
7. Тайманов. 8. Ветратин. 10. Пакузотова. 11. Осена. 12. Навои. 15. Карп. 17. Мазеро. 18. Кроп. 19. Радиоприемник. 22. Шукро. 23. Новиков. 24. Ариа. 27. Солло. 28. Альпы. 29. Рубльинкин. 32. Николаев. 33. «Юррияна».

- По вертикали:
1. Пакистан. 2. Распад. 3. «Лорд». 4. Дено. 5. Назав. 6. Комсомол. 9. Сдотростривель. 13. Сафаров. 14. «Орленок». 16. Плато. 18. Книга. 20. Тутовник. 21. Экзоплант. 25. Король. 28. Запрком. 30. Вьер. 31. Нисон.

Первая страница обложки: Владимир АХИМОВ — рабочий гидрологической партии в Кызылмуках.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Фотоочерк «Золото солнечного посева» смотрите и читайте на страницах 4—6.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если вы хотите продлить подписку на наш журнал или подписаться вновь, обратитесь к общественным представителям печати по месту работы. Оформить подписку можно также в отделах и агентствах «Союзпечати», в отдельных звонках. Подписка принимается с любого месяца без ограничения.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «МЕНА»

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Вузынский проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 3-32-84; отдел чернил и типографии — Д 3-31-03; жоуналистовской печати — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-31; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: К. М. Андреев, Е. А. Домлаговский, К. Н. Замощин, Е. М. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казаков, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Кундинов, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самуров, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Формирование В. Соколов.

Технический редактор Н. Будкина.

А 02290

Тираж 900 000

Знака 1034

Подписано к печати 6/У 1965 г.

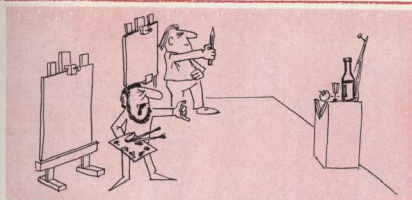
Лит. № 633

Формат бумаги 70 × 108 1/2

2 бум. л. — 5,48 печ. л.

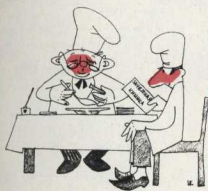
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕСНЯ!

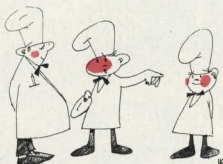

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок А. ДЕМИНА

ЭКЗАМЕН В ШКОЛЕ ПОВАРОВ.

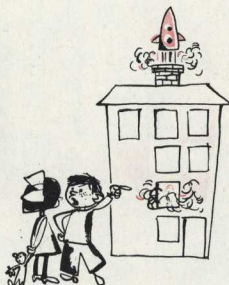
— ПРОФЕССОР, ОН СЪЕЛ МОЮ КОНТРОЛЬНУЮ РАБОТУ.

Рисунки И. КЛЕШНО

— ОТРЕЖЬТЕ ПОЛОВИНУ, А ТО ЖЕНА НИ ЗА ЧТО НЕ ПОВЕРИТ, ЧТО Я СМОГ ПОЙМАТЬ ТАКУЮ.

Рисунок В. ДМИТРИЮКА

КОГДА Я БУДУ ВОЛШОМ, Я ТОЖЕ ЗАПУСЬ АВИАМОДЕЛИРОВАНИЕМ, КАК КОЛЬКА СО ВТОРОГО ЭТАЖА.

Рисунок Б. БОРИСОВА

— Я СЛЫШАЛ, ЧТО ЕМУ НАДО ДУНУТЬ В УХО, ТОГДА ОН ОТПУСТИТ.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПОВИЖНО

ШЕЛ ЧЕ ЛО-ВЕК, А КУ-ДА-НЕ-ИЗ-
ВЕСТ-НО, ДУМАЛ О ЧЕМ-ТО СВО-ЕМ. ПЕЛ ЧЕ ЛО-
ВЕК НЕ-ЗНАКО-МУ - Ю ПЕС-НЮ - МЫС-ЛЫ-ХАЛИ Е-Е.
Здравствуй, пес-ня! Нам бы вмес-те СНЫ ЛЕС-
-НЫ-Е ПОД-СТЕ-РЕЧЬ, АА БРОДИТЬ ПО СВЕ-ТУ,
по рас-све-там, по до-рогам новых встре-ч! АА БРО-
ДИТЬ ПО СВЕ-ТУ, ПО рас-све-там, по до-рогам новых
встре-ч! встре-ч! встре-ч!

Слова и мелодия
Ады ЯКУШЕВОЙ

Шел человек, а куда — неизвестно,
Думал о чем-то своем.
Пел человек незнакомую песню —
Мы услышали ее.

Пр пиев:
Здравствуй, песня!
Нам бы вместе
Сны лесные подстеречь
Да бродить по свету,
По рассветам,
По дорогам новых встреч!

Музыкальная обработка
Кирилла АКИМОВА

Тайны бескрайних глухих расстояний
С нами увидишь хоть раз.
Ночи до зари нам проскипать станем
Вместе с тобой у костра.

Пр пиев.

Дождик осенний тебе бы послушать,
Шагом померять бы дни.
Вечно твою беспокойную душу
Стали бы дали манить!

Пр пиев.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОТПУСК

Статистика утверждает, и, видимо, справедливо, что из двадцати ста отпускников девяносто девять пользуются услугами различных транспортных организаций. Бухгалтерское понятие «отпускника» скоро сойдется с историческим понятием «землепроходец» или, скажем, «путешественник». Путешествуют главным образом летом. И главным образом на юг. И море. И солннышеку.

Слушание авиационного и железнодорожного ведомств, лишенные ввиду повышенной загруженности транспорта возможности отдыхать летом, на без гордости сообщают, что маршрут большинства отпускников обозначается несложной формулой «Эрис — Черное море». Причем Эрис может быть отнюдь далеко от Черного моря. Хотя за тридцать земель. Та же канаритическая статистика показывает: из каждого двух пассажиров, находящихся в июле на территории Хабаровского аэропорта, один летит в Сочи, другой прилетел из Сочи. А между прочим, совсем рядом с Хабаровском Тихий океан.

Поисешь и не найдешь человека, который бы, услышав: Дальний Восток, Вулканы, тигры, менышен... Далекая экзотика. Мечта детства. И очень хочется самому потрогать руками. И тигров, и

трепангов, и гигантских крабов. Самому взобраться на сопку. Заглянуть в нирло вулкана. Попробовать дикий виноград — антидию. Самому увидеть, как северо-восточная стрелка мчится и северу острокожая сайра. И в конце концов просто самому побывать на Сахалине, на Курилах, в делях Сихотэ-Алиня. На самом краю земли. Там, где начинается утро.

Далекая экзотика. Дальний Восток.

Вот, если бы... Восьмого июля 1965 года от причалов Владивостокского порта отойдет сверкающий лайнер «Турменин». Затуманится голубой дымкой таинственная бухта Золотой Рог. Капитан даст команду держать курс в Тихий океан. Маршрут: Бухта Оплы — Тонкоэ — Сахалин — Камчатка — Североуральск — Южноуральск — остров Шинотан — порт Нахорда. А на борту веселые матросы и... счастливые отпускники, успевшие купить путевку на это необыкновенное путешествие.

Все сбывается. Сегодня еще не поздно попросить капитана «Турменин» взять на борт еще одного пассажира или двух.

Для тех, кто решил изменить маршрут «Эрис — Черное море» на «Эрис — Дальний Восток», сообщаем:

Океанский лайнер «Турменин» совершит в этом году три рейса для туристов-отпускников. Выход из порта: 8 июля, 1 августа, 7 сентября. Срок путешествия: восемьдесят дней. Стоимость путевки: от 130 до 160 рублей.

Путевки пока еще можно приобрести в массах морского вокзала порта Владивосток или срочно перевести деньги по адресу:

Владивосток, городское отделение Привокзальной краевой конторы Госбанка, расчетный счет № 42202, Дальневосточное пароходство.

О перечислении денег и желаемом дне начала путешествия сообщите в пассажирское агентство морского вокзала Владивосток, которое и пришлет вам путевку.

Жители столицы и центральных областей страны могут приобрести путевки в Москве, в Центральной транспортной конторе (Москва, Ленинский проспект, 45, тел. АВ 7-75-41).

Мы приглашаем любителей дальних походов и интересных встреч, всех любознательных в путешествии по Дальнему Востоку.

Н. БАЙБУРИН,

диспетчер пассажирского агентства Дальневосточного пароходства

